

INSPIRIA

ОДИН ДЕНЬ ЯСНОГО НЕБА

Волшебные острова Попишо
не что иное, как отражение
реального мира.

18+

ЛЕОНИ РОСС

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Леоне Росс

Один день ясного неба

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Росс Л.

Один день ясного неба / Л. Росс — «Эксмо», 2021 — (Loft.
Современный роман)

ISBN 978-5-04-168522-5

Арундати Рой, Габриэль Гарсиа Маркес, Тони Моррисон — с такими авторами сравнивают Леони Росс за рубежом. Свой роман «Один день ясного неба» Леони Росс писала пятнадцать лет. Эта книга — магический реализм в высшем своем проявлении, роман, полный философии и поэзии, роман, к которому невозможно остаться равнодушным. Где-то далеко-далеко от нас, или, может, совсем неподалеку, лежит архипелаг Попишо, место, пронизанное магией. Здесь каждый рождается особенным. На Попишо живут люди с тремя ногами, поющими мочками ушей, люди, которые могут видеть будущее и пробовать на вкус кончиками пальцев. Попишо — это земли, где обитают мудрость, любовь, красота. А еще — страх, жестокость, насилие, коррупция и дискриминация. Ведь волшебные острова Попишо не что иное, как отражение реального мира.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-168522-5

© Росс Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	19
3	26
4	32
5	44
6	54
7	58
8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Леони Росс

Один день ясного неба

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Памяти Шаки

Посвящается Марджори Благодаря Джоан

В боли важно все: как мы ее избегаем, как мы ей поддаемся, как мы к ней относимся, как мы ее преодолеваем.

Одри Лорд

Старая головешка легко воспламеняется.

Ямайская поговорка

1

В первую годовщину смерти жены Завьер Редчуз встал до рассвета и спустился в кухню засолить треску. Он уселся, держа в руках зеленую записную книжку, и в ожидании доставки стал перелистывать левым большим пальцем замусоленные страницы. В ресторанном окне виднелась бледневшая золотистая луна. Зал «Стихотворного древа» был объят тишиной, слышались только порывы утреннего ветра, теребившего входную дверь.

День обещал быть непростым, в этом Завьер не сомневался.

Вскоре с уловом появился местный рыбак, за ним плелся его сын-подросток. Отец преклонил колени, сын опустил глаза, уставившись на серебристо-голубые рыбы спинки. Этот паренек и заметил жену Завьера – безвольно раскинув руки и ноги, она покачивалась на волнах прибоя, – и вынес ее труп на берег. По его словам, мертвый голос Найи, когда она уткнулась ему в грудь, звучал, точно сгнивший ананас: сладко и хрипловато.

Можешь теперь меня положить, мальчик.

Дело было плохо.

Сын рыбака смотрел вслед шедшей по песку женщине, покуда она не скрылась из виду.

– Почему же ты ее не удержал там? – злобно спросил Завьер. – Не позвал меня? Мог бы хоть что-то сделать.

– А что я мог сделать? – проканючил мальчишка.

– Дай мне пару дней, радетель, я приведу его в чувство, и он все вам расскажет! – попросил отец. – Проклятый дурень спрятался в кустах!

Когда люди умирали в одиночестве, лишённые достойного похоронного обряда, их тела могли шататься по острову годами, истлевая и усыхая. Все видели подобных призраков, что латали свои тела кусками мусора и бродили, безумные. Люди, встретившие смерть в одиночестве: кто от сердечного приступа, кто от апоплексического удара, или от старости, или во сне. Упавшие на камень и разбившие голову. Нищие. Убитые. Покончившие с собой. Утопленники. Люди шептались о них, прикрывая рот ладонями. *Все они, знаете ли, померли по одной и той же причине. Одиночество.*

Завьеру было больно думать так о своей свирепой жене.

Завьер заплатил за двух рыбин с толстыми брюшками и за мешочек бархатистых тресковых печенок и заметил, как задрожал рот у младшего рыбака, когда тот вывалил покупку на кухонный стол. Он так и не простил этого мальчишку. Неужели трудно было справиться с мертвой женщиной, раз на карту было поставлено так много?

– Благословение тебе, радетель, – сказал рыбак и похлопал треску по спинке. – Пусть твой день будет удачным, да?

Завьер кивнул.

Он прислонился к дверному косяку, вслушиваясь в их шаги. Они шли по его саду на краю утеса, и он мысленно перечислял все растения, мимо которых они шагали: жемчужные бугенвиллеи, расцветающие по ночам цереусы, прильнувшие к стволам манговых деревьев, азимины и миндаль, жгучий перец, тыквы и белые розы. Ему нравилось, когда среди разнотравья виднелись цветы, потому что они привлекали полезных насекомых. Отец и сын спускались по крутым ступеням, тихо призывая друг друга смотреть под ноги. Ему нравилось звучание голоса отца-рыбака. Он вспомнил свою молодость. *Время, когда ты, радетель, еще не стал говорить на английском*, как любил подтрунивать над ним брат Айю, улыбаясь во весь рот. Завьер по привычке цыкнул зубом. Он не был так уж крут, что бы брат ни говорил. Он все еще умел выругаться на языке предков.

Он почесал подбородок тыльной стороной ладони. Пора бы подровнять бороду.

Скоро придет Чсе, семилетняя дочурка Айо, и потребует завтрак. Она тоже была ранняя пташка. В первые месяцы после смерти Найи Чсе единственная осмеливалась заходить к нему в комнату без приглашения, забиралась в его гамак и болтала ножками. Она говорила ему, что он слишком высоченный и ему надо бы как-то себя укоротить, а когда в комнате дурно пахло – *ой, какая вонь!* – она вытягивала ручки, распахивала окошко и, взяв его за лицо, поворачивала к восходящему солнцу.

– Ты сегодня будешь выходить, дядя?

– Сегодня нет, Чсе.

Тогда она хватала его за нос, тянула, пока он не уступал и, схватив ее, не начинал с хохотом подбрасывать в воздух.

– Смотри, не урони меня, дядя Англиш!

* * *

Завьер глубоко вздохнул и вышел во двор. Перед ним раскинулся темный сад, за которым маячил весь архипелаг Попишо. Ресторан «Стихотворное древо» был идеально расположен на острове Баттизьен – в самом центре столичного Притти-тауна, но при этом вдали от городской суеты, на утесе над гаванью. Отсюда он видел завсегдатаев, бредущих по песку к его заведению, а после трапезы – прочь: поблескивающую на солнце вереницу сытых людей, которая текла к морю, словно пена прибоя.

Насытившись у него, кто-то плавал, кто-то танцевал.

Поднялся над горизонтом оранжевый серп, похожий на любопытный глаз яичного желтка. Он закрыл глаза и медленно закружился, выпрямив спину и выбросив руки вперед ладонями кверху. От кончиков его пальцев к востоку и западу тянулись песчаные пляжи. Залив, словно отлитый из потемневшего золота, и заякоренные рыбацьи лодки, повсюду торчавшие в ленивой воде; высокое узкое здание школы, старый городской рынок, храм, откуда доносился торжественный звон колоколов, – его палец мог коснуться шпиля; одна из многих фабрик игрушек, выкрашенная в уродливый зеленый цвет соплей, текущих из носа при сильном насморке; приземистые кремовые домики, притулившиеся на склонах холмов и вечерами освещенные пламенем дворовых печурок. Иногда он навещал обитателей этих домиков и предлагал им краску для пламени ярких цветов, чтобы посетители его ресторана могли любоваться необычной расцветкой огней на окрестных холмах.

– Да уж, радетель, – говорили ему хозяева, с улыбкой глядя на его смиренное лицо, – конечно, только ради тебя и избравших тебя богов.

Он перестал кружиться и открыл глаза. Вдалеке мерцали огоньки соседнего с Баттизьеном острова Дукуйайе, чья темная громада отчетливо проступала в лучах утреннего солнца. Взглянув на север и прищурившись, можно было различить Мертвые острова, похожие на россыпь мокрых голубых камушков. Давненько он до них не добирался.

Мир вокруг него вновь пробуждался. В зеленой записной книжке был список важных дел на сегодня.

1. Доставка рыбы.

2. Хренотень.

* * *

Поскольку тело Найи не нашли и обмывать и заворачивать в саван было нечего, Завьер провел церемонию на берегу океана. Он стоял, взяв за руку тещу, их обступили члены семьи и друзья, а безмолвные ведуньи в золотистых платьях разбрасывали священные травы и проводили обряд, выливая ром в воду.

– Какая трагедия, – шептали собравшиеся, к его неудовольствию, слишком громко. – Она всегда плохо плавала.

– Она будет тебе являться, Зав, – сдержанно сказала ему матушка Сут, похлопав его по плечу. Они стояли в его рабочем кабинете. – Ты же знаешь, они частенько посещают тех, кого сильно любят.

Он поцеловал ее в лоб. Глаза у нее были сухие. Услышав о смерти единственной дочери, она заголосила, осела, едва не упав навзничь, но стоявший рядом муж успел ее подхватить, обвив рукой за талию, а она вцепилась в свой живот и яростно его потрясла.

– Она захочет прийти к матери, – прошептал Завьер.

Но оба они знали, что она права. Найя придет в поисках освобождения к нему. А единственным способом освободить призрак было... избавиться от всего, что осталось живым.

Он был готов сделать все необходимое. То, чего не смог сделать сын рыбака.

После погребения он переделался в рабочую одежду и стал готовиться к вечерней службе. Он не пропустил ни одной. Даже в первые месяцы, когда он целыми днями спал, повернувшись спиной к пустому гамаку Найи, Зав все равно вставал после захода солнца и, пошатываясь и шурясь, шел на кухню, где взваливал на спину куски козлятины и тушки хутий¹ и, жуя хлебные корочки и овощные обрезки, брал тесаки, чтобы разрубить кости.

В кухню вошла его су-шеф Му в погребальном белом платье и спросила, что это он тут делает.

Завьер замер над шкварчавшими сковородками, равнодушно поглядев на свои руки: они дрожали мелкой дрожью.

– Найю это бы не удивило, – заметил он.

– Не удивило бы, радетель. – Му и глазом не моргнула. – Но я говорю не про удивление. Я говорю про приличия.

Му была молчунья, но она любила его жену.

Завьер цыкнул зубом и снова повернулся к плите. Му передразнила его, цыкнув в свой черед, и оборотилась к выходу. Он уволил одиннадцать поваров, пока не нашел ее, обладавшую тонким нюхом на разнообразные ароматы и копной прыгающих спиралевидных куделек, – его поразила эта девчачья прическа! А как она снимала жировую накипь со стенок кастрюли – точно дирижировала церковным хором! В тот вечер Му уже не вернулась, и Завьер остался наедине с посудомойкой и одной из официанток, которую уговорил помочь ему вымыть грибы и вынуть из форм пироги, и обе ходили за ним хвостиком, вытирая тарелки и то и дело натываясь на разные предметы. Официантка пару раз обожглась и принялась громко жаловаться. Ей не приходило в голову, что у поваров вся спина в синяках и кожа вечно содрана? У него самого руки были испещрены порезами от разделочных ножей и ожогами от кипящего соуса; царапинами от свиной щетины и рыбьей чешуи и шрамами от усталости и раскаленных сковородок, но он только орал:

– Разве я не просил посыпать сковородные рукоятки мукой, чтобы сразу было видно, какие они горячие? Идио-о-отка!

Воспоминания о молчаливой укоризне Му все еще его нервировали. Он надеялся, что помощница будет знать свое место. У него за плечами было без малого двадцать лет стряпни для взрослых жителей Попишо. Он восхищал мужчин и женщин архипелага своей едой. Он всю жизнь посвятил этому – сначала годы обучения, затем годы труда. А еще надо было найти подходящую замену себе, ученика-аколита, и обучить его всем премудростям поварского искусства, чтобы тот мог начать дело заново. Неудачи быть не могло. Лишь один радетель до него не справился с этой миссией, да и то потому, что умер.

¹ Хуття – вид съедобных грызунов, обитающих на Ямайке (иначе: ямайский кролик). – *Здесь и далее прим. переводчика.*

Смерть Найи напомнила ему, что верить в обещания нельзя.

Недели тянулись за неделями, и он проникся мыслью, что когда Найя вернется, его не окажется дома. Она зайдет в их уютную спальню, а он как раз уйдет на рынок. Или в храм вместе с Чсе – а Найя будет ждать его в саду. Прочь, прочь от разлагающегося трупа, рыщущего в поисках мужа! А вдруг она явится и застигнет его спящим – это был самый жестокий вариант.

Призраки плачут? Какая разница. Ему надо сидеть в доме и ждать.

Напрягая мышцы рук и плеч.

– Давай побыстрее, прошу тебя, – сказала тогда матушка Сут.

А потом многие месяцы он носа не казал из «Стихотворного древа» – даже в сад не выходил, чтобы обиходить растения. Сидел целыми днями в спальне или поздними вечерами бродил по дому, не находя себе места, чувствуя, что еще немного – и он спятит. Он нашел старые записки, что она ему писала до своей смерти, завалившиеся за плиту, промасленные и неп прочитанные или упавшие под куст: *встретимся здесь, Зав, почему бы нам не сходить...* И он стоял, теребя их в руках, и шептал: *жена, жена...* Это слово превратилось в багровую тень, которая с шелестом вылетела сквозь щель в стене, метнулась вниз с утеса и попала в соседский дом, где перепугала детей, вытаращивших на нее глаза и прикрывших рты ладошками.

Но за весь год Найя так ни разу к нему и не вернулась.

* * *

Айю приехал в ресторан через две недели после погребения со своим немудреным скарбом, уместившимся в трех потертых саквояжах, и с желтым цыпленком под мышкой. В его жизни было свое горе: год назад в результате несчастного случая на стройплощадке Айю стал скрюченным хромоногим инвалидом, а покуда он поправлял здоровье, его брак распался.

Завьер крикнул, впустил его в дом и ушел к себе в комнату дожидаться Найю.

Айю объявил себя старшим администратором, приняв обязанности распорядителя всеми делами в «Стихотворном древе», и довольно быстро организовал доставку обедов навывнос. Это были самые обычные пирожки с курятиной и кокосовая вода. На дороге у подножия утеса он приладил вывеску:

Радетель приготовит тебе яство лишь раз в жизни, а здесь ты каждый день можешь купить пирожки с начинкой!

Предприятие сразу стало успешным: три дня в неделю через кухонное окошко быстро передавали аккуратные теплые пакеты с пирожками, в ресторане царила идеальная чистота, это была дополнительная работа для персонала «Стихотворного древа» с достойной зарплатой, все работало как часы, так что, когда радетель выходил из своей комнаты и спускался в ресторан, ему не о чем было беспокоиться.

И так каждый день!

Завьер не замечал наглую компанию, пока Му не обратила его внимание на большую шумную толпу местных жителей, прибывших с требованием убрать вывеску с утеса. Он раздраженно посоветовал им через нее не быть такими обидчивыми и, встав у окна спальни, увидел, как рассеивается толпа приунывших горлопанов, шептавших себе под нос проклятия. Тогда-то он и оценил их преданность; а еще оценил чувство юмора Айю – его брат был истинный адепт равноправия. Завьер подозревал, что Айю не верил ни в каких богов и, уж конечно, не верил, будто его младший брат избран богами. Айю умел одно: усердно трудиться и, хромая, часами ходить по окрестностям.

– Хочешь пройтись, Зав?

– Нет! – Он не был готов к этим долгим прогулкам.

«Лучше бы радетелю ходить в красных панталонах, – подслушал он как-то болтовню официанток. – Потому как она вернется за его палкой».

После службы, когда уже сгущалась ночь, натруженные спины болели, а Чсе давно лежала в кровати, братья сидели на веранде, и Айо понимал, когда стоит помолчать, а когда завести беседу и рассказывать друг другу забавные или вопиющие истории о событиях прошедшего дня, – в такие моменты собеседники рассеянно старались перешеголять друг друга. Если бы кто-то тогда проходил мимо, он ничего бы не услышал, кроме хмыканья да обрывков реплик, к чему обычно и сводится разговор давным-давно знакомых людей.

Правда, в последнее время Завьер стал замечать в глазах брата некое беспокойство.

* * *

В тот год, помимо смерти Найи, навалилось все сразу: свежее козье молоко с фермы, урожай гранатов, женщина, что пыталась втиснуть резные пуговицы для его одеяния; и женщина, у которой одна грудь была больше другой, – она стояла под дверью ресторана и оплакивала его вдовство, а Му гнала ее прочь, махая посудным полотенцем; и орава приятелей Чсе; и письмо губернатора, полученное почти три месяца назад, – письмо было напечатано на плотной импортной бумаге.

С этого письма и началась та *хренотень*, которую упомянул Завьер в зеленой записной книжке. Отправленное от имени губернатора Бертрана Интиасара и его супруги послание извещало Завьера Лоуренса Редчуза, сто тринадцатого радетеля, о недавней великолепной помолвке их единственной дочери Сонтейн Мелоди Игнобл Интиасар и Данду Авраама Брентинтона.

Кроме того, там говорилось, что губернатор счастлив пригласить радетеля в свой дом для приготовления традиционной трапезы для новобрачных.

Завьер фыркнул и разорвал депешу пополам. Свадебные трапезы на архипелаге были обычным делом, считалось, что они являются знаменем доброй судьбы и удачной жизни счастливых пар наряду с прочими длительными и мудреными обрядами и благословениями. Но неужто Берти Интиасар не мог попросить по-простому – надо было непременно послать официальную депешу на дорогушей бумаге!

А он ненавидел письма.

* * *

Впервые он встретил губернатора на этой самой кухне десять лет назад, в день, когда его посвятили в богами избранного радетеля и на церемонию в саду собралось полно народу. Они с Найей жили тут меньше недели, и у ресторана еще не было вывески.

Завьер суетился на кухне, дожидаясь прихода ведуний, которые должны были официально представить его местным чиновникам и научить правильно *поприветствовать* – просто помахать? – людей, собравшихся на пляже под утесом. Он, разумеется, ждал губернатора в качестве почетного гостя, но ему не понравилось, как тот обставил свое появление. Вопреки его ожиданиям Интиасар оказался обаятельным дядькой. Все знали, что он проводит много времени вдали от архипелага, в другой стране, и это обстоятельство многих восхищало до умопомрачения.

– Только не подведи меня – никаких скандалов! – Вот первое, что сказал Интиасар, опершись о плиту и разглядывая головки чеснока. Даже не произнес «Добрый день!» для приличия, пропади он пропадом! – И когда тебе вздумается изменить своей миленькой женошке, сделай это втихаря! Нашим мужчинам это понравится, а вот женщинам – вряд ли.

Завьер терпеливо выслушал. В последние годы авторитет радетелей на архипелаге пошатнулся. Плохая у них сложилась репутация. Им приходилось обслуживать слишком много ритуальных трапез. Участвовать в слишком многих интригах. Они попусту теряли время, утратили уважение, и бедные люди с неохотой приходили на общие трапезы, потому как у них не было для этого подходящей одежды. Он, однако, решил, что в его заведении все будет по-другому, но... только глупец мог сказать властному глупцу, что тот глуп.

– У меня есть единственная необходимая мне вещь, – сказал Завьер.

– И что это?

– Составленный мной список гостей. И никто не должен лезть ко мне без очереди. Никакого особого отношения ни к кому.

Губернатор был явно изумлен.

– Не слишком ли ты самонадеян?

– Не более, чем ты.

Интиасар ухватил себя за щеку – странное дело, жест был какой-то женственный.

– Хочешь сказать, что мне придется дожидаться своей очереди, чтобы поесть с твоей руки? Сидеть и ждать, затаив дыхание?

Он знал, что придет время – и губернатору понадобятся блюда, изобилующие овощами и жидкостью: густая подлива, козье молоко, сироп, ледяная вода, сок растений, сочный плод, ром.

– Ладно. Мне следует уважать любого, кто трахал Дез’ре Де-Бернар-Мас и выжил.

Его наставница. Первая на архипелаге женщина-радетель. Когда она сидела на лужайке вместе с почетными гостями, ее соски проглядывали сквозь мягкое зеленое платье. Неисправимая упряmica. Ее усадили рядом с Дез’ре, и Найя стала мрачнее тучи. Они уже раньше встречались. Завьер надеялся, что Найя хмурилась под лучами яркого солнца, бывшего ей прямо в лицо. Дез’ре наверняка сразу приказала бы ему дать тумака этому глупцу.

– И давай-ка становись радетелем, парень. Да поскорее.

Сидеть рядом с Найей ей бы тоже не понравилось.

* * *

Через три дня после того, как Завьер порвал и выбросил письмо губернатора, он пек хлеб на кухне. Быстрым шагом вошел Салмони Адольфус Барнс, а следом прихрамал Айо. Салмони был хорошо сохранившийся старец лет под восемьдесят с огромным красным носом, смахивавшим на половинку красного перца. Он назвался дворецким губернатора и громким голосом принялся важно зачитывать какие-то бумаги.

Завьер был поглощен выпечкой хлеба. В нужный момент ему предстояло добавить подобающее количество красного перца и козьего сыра, что было своеобразным актом любви, требовавшим полной концентрации.

– Какая благословенная обязанность, – проблеял Салмони. – Ведь речь идет о самой романтической трапезе в мире! Семь блюд, как того и требует обряд пожелания успешной жизни для супружеской пары. Уверен, радетель, мы можем найти храмовые предания, предсказывающие подобную особую трапезу!

Завьер не обратил на его слова никакого внимания.

– Разумеется, – продолжал Салмони, – услуги избранника богов-радателя будут щедро оплачены, и размер этой оплаты значительно превысит размер его годового жалованья. Мы пришлем специального человека, который снимет с тебя мерки, дабы пошить тебе, мой господин, роскошное одеяние, приличествующее обряду.

– Только не для меня, – заметил Завьер. От раздражения у него задергался угол левого глаза.

Салмони так и подпрыгнул: мимо него прошмыгнула Му с раскаленной сковородой, на которой шкварчал розовато-пурпурный жареный осьминог. Завьер взглянул на три щупальца и кивнул:

– Еще секунд пять обжарь эти два и семь секунд – третье.

Му убежала со сковородой прочь.

Нос, напоминавший половинку красного перца, сморщился. Салмони бросил умоляющий взгляд на Айо, сидевшего в углу на краешке перевернутого котла. Айо взглянул на него. В зарослях молочая за распахнутым настежь окном шуршали крупные голубые бабочки.

Салмони вновь приступил к чтению. Губернатор «безмерно рад», что богами избранный радетель согласился провести традиционный обход накануне свадьбы! Чтобы дать простым людям возможность самим выбрать съестные продукты для свадебной трапезы.

– Что? – рявкнул Завьер. – Что это ты такое сказал про съестные продукты?

Айо покачал головой.

Салмони затараторил:

– Ты же знаешь, что такое обход, радетель! Ты бродишь по Попишо, покупаешь снедь и берешь рецепты блюд у простых людей, из которых потом составляешь меню...

– Я знаю, что такое обход!

– Тогда ты должен радоваться, что губернатор выражает уважение к традиции!

Салмони высунул руку в окно и попытался ухватить с куста аквамариновую бабочку. Но промахнулся, цокнул языком и нервно усмехнулся.

– Губернатор Интиасар решил, что еда на свадебной трапезе его дочери должна быть приготовлена из того, что выращено на нашей земле нашим народом. Он не хочет никаких изысканных продуктов.

Произнеся это, старик всем своим видом показал, что чрезвычайно доволен собой.

– Уходи отсюда! – отрезал Завьер.

– Твоя... – Стариковский подбородок задрожал. – Что-что?

Завьер осторожно попробовал на вкус сыр, раскрошил и всыпал сырные крошки в тесто, потом добавил немного жгучего перца.

– Уходи с глаз долой, пока я не отдубасил тебя до смерти.

– Твоя... твоя... Этот ресторан был куплен для тебя правительством островов Попишо! Людьми, которые платят налоги!

– Передай ему, что никто не лезет ко мне без очереди!

– Ты... но я...

– Уходи!

И старик поспешно ретировался, опасливо взглянув на развешанные на синей кухонной стене острые ножи и позабыв бумаги на столе.

Завьер еще раз вымесил тесто. Му с хрустом ломала цыплячьи кости в суставах и обмакивала их в три разных маринада. Айо кое-как поднялся с перевернутого котла и подхватил со стола записи Салмони.

Завьер снова попробовал тесто на вкус.

– Дурачина, – заметил он в сердцах.

Цыплячьи косточки хрустели.

Айо постучал пальцем по бумажкам.

– А знаешь, он прав.

Хруст.

– Это же всегда считалось обязанностью боголюбезного радетеля – делать обход острова перед всевозможными свадебными церемониями и прочими торжествами. Подношения людей повышают шансы молодой жены забеременеть! – Айо засмеялся. – Ох уж эта плодovitость простых крестьян! Ты легко отделался, Завьер Редчуз.

Завьер терпеть не мог, когда ему напоминали о вещах, которые он и сам прекрасно знал. А Дез'ре для памяти целого поколения лишила обычай обхода традиционной церемониальности.

– Я же десять лет назад сказал, что не работаю для богатей, – отрезал он. – Зачем он теперь ко мне привязался?

– Он просто хочет победить на предстоящих выборах.

Хруст.

Завьер смазал тесто маслом и выложил на противень. Аромат свежесдобитого хлеба встретит посетителей ресторана у самых дверей и заставит вспомнить запах маминой или тет-киной выпечки. Старый трюк. Еда всегда пробуждает ностальгию.

– Хм, – подал голос Айо. – Хотел бы я знать, чего он добивается.

Му хмыкнула:

– Кто-то наступает ему на пятки. Двадцать с лишком лет – он чересчур долго сидел наверху. Но люди не любят рисковать и начинать заново, с чистого листа.

– Да уж, тут такие перемены начались бы! – поморщился Айо. – Неужели ты готов на такую глупость, а, Зав?

Завьер сгорбился. Интиасар никогда не вмешивался в дела радетеля, ни разу за все это время; многие сказали бы, что ему повезло. И его протест сейчас показался бы мелкотравчатым. Люди просто хотели насладиться самой романтической трапезой в мире.

– Ведь ты берешь у него деньги и вообще, – сказал Айо.

Он обернулся, чтобы возразить, но брата уже и след простыл; до его слуха донесся только его удалявшийся смех из коридора.

А на следующее утро, когда у Му кончились помидоры, Завьер удивил их обоих, взяв нож и выйдя за дверь в сад – впервые за семь месяцев. Пройдя к грядкам помидоров, он почувствовал, как затрепетала на солнце кожа, и когда стал любоваться зеленовато-свежей листвой в саду и у него захватило дух, он почувствовал прилив восторга, точно с него сняли старую потухшую кожу. Он погладил ствол миндального дерева. Вспомнил, как Му высушивала миндальные лодочки, угощая ими потом цыплят во дворе и детишек, слоняющихся после школы по пляжу. И как намазывала ногти Чсе горьким соком алоэ, чтобы та их не грызла.

Му была одной из многих, кто поддерживал его все эти долгие месяцы скорби.

Когда он вернулся в кухню и Му взяла у него из рук теплые плоды, ее глаза были полны слез.

– Пора, – сказала она. – Не теряй времени. Иди на этот проклятый пляж.

Он еле шел к розовому песку: ему словно связали лодыжки, сердце отчаянно билось, на лбу выступила испарина. Егохватило минут на двадцать: яркое солнце нещадно жарило тыльную сторону ладоней. Он с изумлением брел по паутине моря, которое почти забыл, как вдруг мимо прошел человек с рулоном сверкающей крашеной ткани. Этот цвет сразу напомнил Завьеру любимое платье Найи, и ему пришлось присесть на мелководье, чтобы перевести дух от волнения.

* * *

После этого он ежедневно заставлял себя выходить из дома. Так продолжалось две недели. Мужчины, взбудораженные его возвращением, перешептывались у него за спиной, женщины беззастенчиво флиртовали с ним; но он не обращал на них внимания. Каждый раз его прогулки становились длиннее, он заходил в море все глубже, так что вода оказывалась выше колен. Он жадно глотал воздух и разглядывал старый порт, куда местные лодки некогда привозили игрушки для Лео Брентенинтон. Он вспоминал, как мальчишкой бегал туда и, расталкивая других ребят, наблюдал за разгрузкой, а потом мчался к родителям выпросить пару

монеток. Но правительство пресекло такую самодеятельность. Сейчас это была целая индустрия: сотни, даже тысячи, если верить слухам, игрушек поступали прямо с фабрик на огромный склад на Мертвых островах, куда три раза в год заходили иностранные корабли и опустошали запасы. Многие уже начали забывать, что так было не всегда.

А что, сам Интиасар, когда был маленьким, не бегал на берег к кораблям?

– С тобой все будет хорошо, – бурчал Айо всякий раз, когда Завьер вваливался в «Стихотворное древо» после прогулки, нервно сглатывая густую слюну и приводя в порядок потное одеяние.

В ответ Завьер пытался рассмеяться, но издавал только сдавленный кашель.

– Точно говорю, – твердо продолжал Айо. – Скоро сам увидишь. Когда на следующей неделе будешь делать обход, я с тобой пойду.

И все же Найя так и не появилась.

«Ну вот, – сплетничали люди, – радетель к нам вернулся, а жена все еще камнем на его душе висит».

* * *

Занимался рассвет.

Завьер вышел из сада и в лучах нового дня отправился обратно к ресторану. Его ждала треска: в морщинках ладони собрались крупинки соли. В воздухе тихо звучала мелодия, эхо которой уносилось к морю. Три радиостанции исполняли национальный гимн одна за другой, с запозданием в пару секунд.

Он слушал радио только по необходимости, но отвлечься от него было трудновато. Радиоприемник имелся в каждом доме, и на каждом углу, без умолку передавая музыку и сообщая островные сплетни; бодрые, но малоинтересные интервью с местными музыкантами; назойливые до безумия беседы с правительственными чиновниками, славословия богам за урожайный год и песнопения храмового хора. Люди с радио и его не раз пытались заманить в студию, но на все их приглашения неизменно отвечал отказом, опасаясь, что они сведут беседу к рецептам его блюд да к вопросам, что его вдохновляет. И как прикажете на все это отвечать?

Он понимал, что ему не хватает терпения. Люди же старались быть честными и смелыми. Они обращались к нему, чтобы пожаловаться на свои вечные невзгоды. Старики звонили, чтобы похвастаться умненькими внуками. У этого мальчика язык подвешен, ты только его послушай! Сказанные им двадцать слов стоят не меньше дюжины яиц! Свежих, понял? Свежих! Но все дискуссии неизбежно заканчивались ничем. Он заранее чувствовал, что разговор увядает, – когда речь заходила о фантазиях, притворяющихся фактами.

Тяга к спорам была у его народа в крови, в его истории. Лучше бы они имели склонность к чему-то другому.

Попишо
О эти острова,
любимые всегда
и навсегда...

Он вошел в кухню и опустил руки на рыбу. Под его чистыми пальцами соль слепилась в толстый слой, струилась по запястьям и падала на рыбье брюшко. Он прикрыл глаза. Многовато соли, надо сосредоточиться, уменьшить соляную струйку. Не надо торопиться. Он положит на рыбью плоть плоский камень и оставит под гнетом на солнце на ветру позади ресторана.

Он покрыл солью весь бок трески. Он солил рыбу так, как это делали его предки, чтобы сохранить скудный запас белка. Крупинцы соли падали с его ладоней, покрывая белым слоем

рабочий стол, сыпались на пол, отчего он тоже становился белым, и на его босые ноги. Он перевернул рыбину.

Позади раздался треск.

Что-то треснуло и хрустнуло.

У него на шее вздыбились волосы.

– Завьер?

Хлюпающий звук, точно кто-то, тряся грудями, на животе полз по полу.

– О Завьер, погляди на меня!

Он резко развернулся, сжав покрытые солью кулаки, сторбившись и тяжело дыша. Рыба скользнула по столу и, едва не перевалившись через край, замерла, чуть покачиваясь. Он жадно глотнул воздух и громко икнул.

Пустая кухня отозвалась глухим эхом.

Босыми подошвами он ощущал, как холодный камень нагревался под лучами солнца, которое к полудню будет жарить всю.

Завьер Редчуз сел на пол посреди кухни, закрыл глаза и бессильно опустил руки.

По жене он совсем не скучал. А думал о ней часто. Но это же не одно и то же.

* * *

Все в Попишо рождались на свет с какой-то особенностью, да, с какой-то *необычной способностью*. Местные называли это даром. Магией? Не просто магией. Врожденным талантом, так, что ли? Да. Это был дар богов – нечто невыразимо твое, и ничье больше.

Совет ведуний судьбы состоял исключительно из женщин, чьим единственным занятием было отправление магических ритуалов. Боги никогда не ошибались, но при этом они были печально известными шалунами, и их сообщения не всегда отличались внятностью. Женщины-ведуньи все были древними старухами, даже в юности, и обладали инстинктивной способностью *чувать* запах беременности – даром, который от века передавался из поколения в поколение. Женщины догадывались, что их чрево понесло, только после того, как местная ведунья многозначительно напрашивалась к ним на ужин; одна и та же женщина в золотом одеянии могла приходить в семью многие десятилетия, пользуя матерей нескольких поколений и определяя врожденный дар каждого младенца.

Никто не мог сравниться с ведуньями в умении наблюдать за ходом беременности: они сразу подмечали новые волоски на тыльной стороне ладони, пробегали пытливыми пальцами по бедру, останавливаясь на недавно возникших пятнах цвета портвейна, сердобольно вздыхали при виде преждевременно набухших молоком сосков, заставляли жевать душистые фрукты, чтобы перебить мерзкий металлический привкус во рту, говорили слова ободрения после того, как животы выпячивались и заострялись от многих оргазмов, а на скулах высыпала мелазма. Ну а после того, как младенец выскальзывал из чрева и пуповину перерезали, начинались поиски божественного дара.

Некоторые проявления магических сил были очевидны сразу: лишние конечности или необычайная физическая сила, добавочный ряд зубов или небывалый рост. Некоторые младенцы появлялись на свет с менее заметными особенностями, которые проявлялись только со временем: с неизменно приятным дыханием, или с волосами как плотный шелк, которые никогда не спутывались, или с кошачьей гибкостью и походкой, или иными талантами – вы только посмотрите, мой ребенок способен превращать кокосовую воду в жидкость с любым вкусом, какой захотите! У Энтали, старинной подружки Завьера, мочки ушей от рождения издавали мелодичный звон, а ягодиц было не две, а три. Как-то поздно вечером Му, захмелев от аромата бабочек, призналась Завьеру, что ее дар – дополнительные вкусовые рецепторы во рту, и как

бы ни старалась, она не могла ощутить пагубные последствия спиртного. Завьеру оставалось только гадать, какая ведунья после внимательного осмотра обнаружила у нее столь редкий дар.

Необычайные психические способности редко, но все же встречались – ясновидцы, тройни, способные поворачивать время вспять, малыши, бессознательно двигавшие предметы на расстоянии или взглядом разжигавшие пламя посреди комнаты. Все эти психические таланты приносили хорошие деньги, но родителям приходилось держать таких детей в ежовых рукавицах. Любой акт подросткового неповиновения мог привести к печальным последствиям – так, одна девочка на Дукуйайе убила собственную мать, просто сердито о ней подумав после того, как та запретила дочери танцевать на улице с голым животом. Благодарение богам, ее сестра, по счастью, оказалась рядом и применила свой дар – запустила остановившееся сердце матери, словно заглохший движок автобуса.

Молодые матери не могли сдерживать слез, когда все было кончено, дар обнаружен и назван и золотые одеяния ведуний шуршали в доме уже не так часто. Но храм был открыт круглые сутки, и песнопения ведуний звучали непрерывно, точно птичьи трели.

Ведуны не сразу распознали, что Завьер обладает даром придавать пище разные вкусы и ароматы с помощью собственных ладоней. Поначалу он не выказывал никаких магических талантов, несмотря на то что младенца после рождения, к вящему беспокойству матери, поворачивали и так, и эдак, разглядывая все отверстия на теле. Его мать, Трейя Редчуз, была практичной дочерью неудачливого рыбака и обладала способностью смирять бури на море. Познавшая бедность, она сильнее, чем многие иные матери, мечтала, чтобы ее сыновья обладали полезными дарами.

Дар Айо был далеко не бесполезным: одним касанием он мог менять цвет предметов и обладал невероятной силой. Когда родился Завьер, старший братик уже подзарабатывал в разных местах: подкрашивал стены соседских домов, поновлял по просьбе матерей своих приятелей их выцветшие платья, таскал тяжеленные механизмы, бочки с сахаром да акульки туши. Их отец Пьютер был гордым обладателем длинного черно-серебристого ухватистого хвоста, что грозно вздымался всякий раз, когда Пьютер сталкивался с какой-то несправедливостью. Хвост помогал ему строить школы и храмы и взбираться на леса, не прибегая к стремянке.

Когда Завьеру исполнилось девять и он все еще ни в чем не выказывал ни малейшей магической способности, Пьютера обманул с оплатой мошенник-заказчик. Отец отхлестал его хвостом, а потом принялся дубасить кулаками, пока дурень не поднял ор. Несмотря на явную несправедливость, после этого за Пьютером закрепилась дурная слава и работы у него поубавилось. Трейя очень обеспокоилась, что скоро ей нечем будет кормить сыновей, и поделилась своим беспокойством с мужем. Айо стал пропускать школу: он занимался перекраской автобусов, старых башмаков и цветочных клумб для каждого, кто мог заплатить хоть монетку. Трейя уверяла мужа, что детям нужно образование. «Нет! – возражал ей Пьютер. – Им надо стать мужчинами!» Трейя громко цокнула языком и ушла в бухту помогать рыбакам с уловом. Постоянной работы у Пьютера не было, но тем не менее каждый вечер он ждал, что его накормят ужином.

– Устала я, – вздохнула Трейя. – Подойди, Зав, покажу тебе, что надо делать.

Так Завьер начал готовить на всю семью. Он и сам удивлялся, с какой легкостью повторял все движения матери у плиты, орудуя под ее руководством скудными кухонными принадлежностями, и как ему нравилось возиться в ее скромном, но ухоженном саду. Пьютер недовольно бурчал, что сын занимается женской работой, но ему явно нравилось обсасывать сочные косточки, которые он отдирает от жареного цыпленка, а потом складывал в кучку на краю тарелки, в знак благодарности ласково подхватывая Завьера под мышку. Именно Пьютер, удовлетворенно порыгивая, как-то раз заметил, что приготовленная рыба имеет восхитительный аромат, притом что в доме не было ни стручка жгучего перца, и... А вы не замечали, что мед в банке никогда не иссякает?

Он умолк. Вся семья сидела за столом молча, с вытаращенными глазами. Завьер торжественно глядел на остальных. Тут Айо просиял, а Трея шумно вздохнула.

– А ну-ка приведи эту проклятую ведунью, – обратилась Трея к Айо.

Придя к ним в дом, ведунья схватила Завьера за запястья.

– Ты никогда не замечал?

– Чего? – с недоумением спросил Завьер.

Тело источает душистые ароматы точно так же, как прочие запахи. Но ты же не сообщал ведунье, как пахнут твоя слюна или фекалии. Это так... интимно.

– О боги! – воскликнула Трея.

Ведунья порылась у них в кладовке, вытащила мешок маисовой муки, которой Трея очень дорожила, и отправила безотказного Айо купить охлажденного сливочного масла.

– Будем печь лепешки-пятиминутки? – поинтересовался Завьер.

Ведунья улыбнулась и, кивнув, принялась резать принесенное масло на мелкие кусочки. Потом позволила Завьеру вметать его в муку.

– Соли не добавляй!

Он крепко задумался, потому что ему пришлось действовать вопреки дару. Когда тесто было готово, ведунья его раскатала и нарезала на пять кусков. Потом налила растительного масла на сковороду, не обращая внимания на вздохи Треи по поводу ее наглости: мол, пришла на чужую кухню и давай распоряжаться!

– Так, парень, а теперь дай мне пять разных ароматов.

Завьер на мгновение замялся, а потом провел левой ладонью над первым кругляшом теста. Все как по команде зажмурились, увидев, как края его смуглой кисти потемнели еще больше.

– Корица, – изрек Завьер и приступил к следующей заготовке. – Кардамон, крупное семя. – И он с удовольствием заметил, как вдруг заулыбались глаза ведуньи.

А сидевшие за столом члены семьи, не в силах вымолвить ни слова, изумленно смотрели на него.

– Давай краба, Зав! – попросил Айо.

Завьер фыркнул:

– Я не могу создать вкус и аромат живых существ.

Интересно, лепешки с каким вкусом понравились бы ведунье? Имбирь, лайм, сахар...

– Да идите вы все! – вскричал Пьютер.

Жгучий перец! Теперь он не сомневался. Оставалась еще одна заготовка будущей лепешки, и она должна была получиться на славу. *Какао-бобы и листья мяты.*

Ведунья покачала головой. В семьях иногда замечали в детях дар задолго до вердикта совета ведуний; и хотя такое случалось, всегда было удивительно наблюдать, как магия проявлялась сама собой.

– Погляди, каким светом озарено твое лицо, – заметила она.

Завьер сказал, что, если она хочет, он положит чеснок в куриную попку, что с его стороны было довольно грубо, но в то же время остроумно, потому как все знали, что люди, любившие есть куриные попки, слишком болтливы. Айо расхохотался. А ведунья шутливо шлепнула Завьера по спине.

– Какой-то женщине очень повезет стать твоей женой, – сказала она. – Кулинарный дар – большая редкость для мужчины.

Трея выхватила из рук ведуньи сковороду и быстро пожарила круглые лепешки. Они принялись есть их еще теплыми, тихо похваливая чудесные ароматы, но не раньше, чем Айо выкрасил каждую лепешку в свой цвет, чтобы едоки точно знали, где какая. Все радовались вкуснейшим лепешкам. Пьютер водил рукой по спине сына и все повторял, что это он первый заметил его дар – да-да, а кто же еще, – и мать сидела с сияющим от гордости лицом.

Каждый думал о чем-то своем.

2

Анис спала плохо и проснулась, разбуженная треском расщепляемого дерева. Она перекадилась на середину холодного тюфяка, набитого соломой. Комната купалась во мраке, Тан-Тана не было. Она села.

– Тан-Тан!

Ответа нет. Только приглушенное сопение, мерное шуршание пилы и исполинская туша мужа в дальнем конце спальни. Она знала, что это он, лучше, чем могла бы знать себя, – после десяти лет, в течение которых она лежала на паллете и, к его удовольствию, увлажняла ему живот и ноги. Когда-то он подходил к ней, улыбаясь, и толкал в бок.

– Помассируй мне спину, Анис!

– Боги мои, Тан-Тан! Дай поспать!

А он, посмеиваясь:

– Да ты же не спишь! Ты на меня смотришь!

Она протягивала к нему руки:

– Иди поцелуй меня!

Даже в те давнишние времена он редко возвращался в ее объятья после того, как выскальзывал из ее рук. Он был очень сдержанный. Пунктуальный во всем, что бы ни делал. Ей нравилось, что он такой ответственный. С ним она чувствовала себя в полной безопасности. Но что плохого в том, чтобы хоть разок поступить безрассудно, не по плану?

– Тан-Тан!

Скрип. Хруст.

– Чем ты занят?

Она пошарила рукой в поисках масляной лампы, стоявшей возле тюфяка. Чиркнув спичкой, поднесла трепещущее пламя к фитилю, подняла зажженную лампу над головой, чтобы рассмотреть его получше.

Он стоял на коленях на полу и отдирал деревянные половицы. Анис смотрела, и кожа на ее голове напряглась. Он не собирался поднимать весь пол – ему нужна была только одна половица. Но пытаясь ее вытащить, он заодно выдирает соседние планки, отрывая от них щепки. Не отдавая себе отчета в своих действиях, она, поеживаясь от утренней прохлады, соскочила на пол, бросилась через комнату, вцепилась ему в плечи.

– Нет! Нет!

Вывернув ей руки и стиснув зубы, Тан-Тан отшвырнул Анис прочь. Она отпрянула, сделав пару шагов, и чуть не упала. Он был голый по пояс, и она ощутила его смрадное после сна дыхание. Значит, он только что встал и сразу принялся за работу. Он хоть успел пописать? В его непреклонном упрямстве было что-то пугающее. Она снова кинулась к нему, тяжело дыша, пытаясь воспрепятствовать. Уже было поздно спасать дорогушее дерево, но она не хотела стоять в стороне и смотреть, что он творит.

– Перестань, перестань!

Тан-Тан поднялся на ноги, удерживая расщепленную половицу в согнутой руке и отстраняя ее свободной рукой. Затем пошел к тяжелому окну. Она последовала за ним, ухватив изуродованную половицу. Возможно, ей удалось бы спасти хоть одну щепку, с которой она убежала бы прочь. А если бы оказала более решительный отпор, смогла его остановить.

– Не делай этого, Тан-Тан! Прошу: не надо! Пожалуйста!

Она цепко ухватила за его руку, а он поволок ее за собой. Словно муху. Наверняка кто-то услышит ее крики и подоспеет на помощь. Мас² Баки и оба его сына из дома напротив. Но

² От master – господин. Местное обращение к уважаемому человеку.

даже если соседи в эту самую секунду пересекут сад и взбегут на веранду, они все равно не успеют помешать Тан-Тану вышвырнуть половицу в окно.

Ей надо было пресечь его попытку избавиться от половицы. Иначе они оба потом будут с болью вспоминать об этом.

Серебристое свечение, шурша, искрилось вокруг ее кулаков. Она уже полностью проснулась и сосредоточилась. Ей не хватало сил, чтобы удержать его, но она могла сделать кое-что другое.

Анис Латибодар-Жозеф потянулась к мужниной шее и резко провела кончиком пальца по нежной коже.

Тан-Тан судорожно замер. Его глотка вздрогнула, точно петушиный гребешок.

Во дворе вдруг вспыхнула шаровая молния и с треском покатила по траве, освещая пестрые садовые растения.

Тан-Тан сделал шаг вперед. Но она впрыснула заряд жидкой энергии в его тело, почувствовав, как та, пузырясь, вышла из нее прямоком в его плоть.

– Не делай этого!

Серебристый свет скользнул по его затылку вниз, озарив темную шевелюру. Его тонкий хохоток испугал обоих.

– Что с тобой такое, Тан-Тан?

Он выронил куски половицы на траву, и она собрала их, стараясь дотронуться до каждой щепочки и не обращая внимания на кусачие занозы.

* * *

Ее первая беременность случилась в холодный сезон семь лет назад. Тан-Тан тогда разбрасывал вокруг дома куски теплого воздуха, которые покачивались, словно водоросли на поверхности моря, и когда ее знобило, она укутывала в них плечи. Когда же солнце вернулось, она сильно расплнела и стала раздражительной, и он массировал жене колени и брил голову, потому что ей нравилась такая стрижка, а из-за беременности волосы росли гуще и быстрее, чем обычно. Она сидела, намыленная, на веранде, а Тан-Тан устраивал целый спектакль, картинно взмахивая острым лезвием на глазах у людей, что, улыбаясь, проходили мимо и вскрикивали.

– Слишком симпатная девчонка, чтоб ей голову брить! – кричали мужчины, а Тан-Тан им в ответ советовал остановиться и поглядеть.

Тогда она и пахла по-другому. Как животное, но нельзя сказать, что запах был неприятным. Ей все время хотелось скалить зубы и поводить глазами и сдерживать раздражение на мужа. В голову лезли непотребные мысли, но они казались ей нормальными, потому что она много раз подслушивала секреты своих клиенток. У нее возникали фантазии, будто она съедает своего младенца, как это делали местные кошки, или послед. Или она представляла себе, как его роняет, теряет, стискивает пальцами его головку. В последний месяц она не позволяла мужу приближаться к своему животу, а когда он пытался, больно кусалась, и однажды после укуса из его пальца брызнула кровь. Поначалу он выражал крайнее неудовольствие и выглядел при этом как последний дурак, но спустя несколько минут она начинала извиняться, ошеломленная своим поведением, лечила укушенное место. Чего же можно было ожидать в момент родов, если она могла быть такой несдержанной? Она будет выть, стонать, потеть? Или останется тихой и люттой, какой она себя ощущала?

Между тем ей нравилось, что он в ней души не чаял. «*Это мать!* – объявлял он друзьям. – Смотрите-смотрите на нее, пока еще можно».

Родовые схватки ее удивили: их сила, пронзительный запах пота из-под мышек, необходимость тужиться изо всех сил. Все это было куда менее знакомым, но более пугающим,

чем физическая боль. И будет слишком долго – она это сразу поняла. Ночь сменила день, и в ее комнату прокрался страх. Ее наставница Ингрид Дюранде сидела в обнимку с ее матерью, встревоженной и шепчущей молитвы, и они вполголоса переговаривались. Анис ощущала, что у нее потрескались губы. Понимала ли она в глубине души, что с ней, сопротивлявшейся, защищавшейся, что-то не так? Тан-Тан сидел на кухне, вцепившись в край стола. Она ощущала его гнев, когда он лежал рядом с ней под одеялом, и ей хотелось его оттолкнуть. Да как он мог, как смел обвинять ее?

Ингрид нашла младенца между креслом-качалкой и тюфяком, когда садовые зверьки и рассветные сумерки приблизились к их дому. На другой стороне тюфяка сидела мать Анис, держа дочь за руку, мурлыкала себе под нос и сонно качала головой. Молодой ведунье казалось, что на нее устремлены чужие взгляды.

Ингрид решила, что родиться должна была девочка, потому что увидела два огромных сияющих глаза, выкатившихся из глазниц и лежавших в лужице жидкости, которая медленно впитывалась в деревянные половицы. Глаза сверкнули раз, другой – и угасли. Ингрид чистой тряпичей обтерла странных новорожденных насуху, бережно взяла их в ладони и отправилась с ними на пляж. Там она закопала их в песок под морским виноградом и заплакала.

Всего у Анис было четыре выкидыша: ни один из мокрых комочков не выжил. Они вытекают из нее, катятся по полу спальни и просачиваются в одну и ту же половицу, так что дерево наконец вспучилось, и всякий раз Ингрид уносит то, что появляется на свет. Пальцы. Кусок черепа. Она закапывает их под морским виноградом и уговаривает Анис не тревожиться.

– Верь мне, – говорит она. – Позволь мне позаботиться о них вместо тебя.

И Анис верит своей наставнице. Своей ближайшей подруге.

Она не может понять, чего же им недостает – ей и Тан-Тану. Какого-то жизненно необходимого вещества или веры в магию? А может быть, они совместно вырабатывают неведомый яд? Или она просто не слышит советы богов, которые те посылают ей с неба?

Она пыталась сидеть у алтаря, чтобы услышать их послания, но в ушах стояла крошечная тишина.

– Нет, – коротко ответила она на вопрос Тан-Тана, не хочет ли она попробовать в пятый раз.

Их разговор состоялся больше года назад. Ей стоило немалых усилий выговорить это «нет». «Ладно», – сказал он. Он не стал ее наказывать. И она ему за это была благодарна. Но он с тех пор такой злой, какой же он злой и тихий, и что же, о боги, ей с этим делать?

* * *

Анис сидела на растерзанном полу спальни, слушая, как ее муж куролесит на кухне: вот он разжег печку, вот огонь с шипением запылал в топке. Ему нравилось совершать утреннюю молитву над огнем, скармливая пламени рукописные благословения, а потом покуривая медоцвет за кружкой черного шоколада, положив ногу на ногу, глядя на горы над Лукией, административным центром острова Дукуйайе. Обычно он совершал омовения в уединении, но в последнее время его утренние телодвижения вызывали у нее желание заорать: скребущие звуки, звон его кольца в губе, звякающего о край кружки, стук кочерги, шурующей поленья, – все эти звуки нарушали тишину между ними. Ее подруги упирали руки в боки и говорили ей: эгоистка! Бывали дни, когда ей хотелось встряхнуть его, но несмотря на всю силу страданий, она не могла притвориться, будто горюет по нерожденным младенцам.

Она внимательно осмотрела искромсанные половицы и даже подумала лечь на пол и приложить к ним щеку; затем усилием воли вновь прислушалась к звукам из кухни. Было что-то понятное и даже *правильное* в поведении человека, опечаленного настолько, что он принимал неудачные решения.

– Да? Уверена?

Этот тихий злобный голос в голове слышался, только когда ею овладевала усталость. Но если она отвечала, голос вновь затихал.

– Умолкни сейчас же!

Она открыла дверь спальни. Прислушалась и на цыпочках прошла по коридору, снова прислушалась. В ней словно уживались две половинки разных женщин, склеенные воедино: хрупкие плечи, осиная талия, небольшие груди. Люди, садясь с ней рядом, бывали невольно заморожены ее огромными темными глазами в обрамлении густых ресниц, выделявшихся на фоне бритой головы, а когда она вставала, мужчины не могли сдержать улыбки при виде ее бедер. Они были широкие и налитые и при ходьбе терлись друг о друга, оставаясь до сих пор такими же крепкими и упругими, как в детстве. Что бы она ни делала – бегала, танцевала или шлепала по ним, они не колыхались, упругий целлюлит был как легкая рябь на воде. Она любила надевать обтягивающие юбки ярких красных или зеленых цветов, чтобы все могли полюбоваться контрастом между ее тонкой талией и широкими бедрами и вообразить себе таинственный треугольник между ними, а Тан-Тан подумать: это мое, только мое. Приходя домой, он целовал ее покрытые рябью бедра. А она про себя радовалась, когда у него на коже появлялись прыщики, потому что любила их выдавливать.

Все это было задолго до того, как они стали рожать жидких младенцев, а Анис, раз надев погребальное белое одеяние, стала носить его постоянно.

Он много работал, ткал полотно для рыбацких парусов, для кукольной одежды и для желтой школьной формы, для темно-синих рабочих спецовок и цветастой униформы служанок, а кроме того, для простыней и скатертей, а еще подрабатывал бригадиром на городской фабрике игрушек. Раньше он обожал работать на ткацком станке, а теперь же частенько обрывал нить, досадливо цокал языком и перестал ценить красивые вещи.

Она нашла его на веранде перед входом в дом, он сидел на табурете и выпускал изо рта белый дым, который окутывал его, словно облако. Она опустилась на пол рядом с ним и замерла в ожидании.

– Что? – наконец поинтересовался он.

Она посмотрела на него, ни слова не говоря. Каков должен быть ее первый вопрос?

– Что? – повторил он таким тоном, как будто имел в виду не вопрос, а нечто безобидное вроде баклажана или душистого перца.

– Зачем ты это сделал?

– Что?

– Тан-Тан!

– Ну что?

Она старалась не сердиться. Уж такой он был человек, считал, что не надо давать волю чувствам, да и сам он обычно не позволял себе испытывать ничего, кроме гнева. Она прислонилась щекой к его колену, а он дернулся, точно опасаясь штормовой океанской волны.

Они вгляделись в темные очертания дальней горной гряды.

Она сильнее впечатала щеку в его колено, уже не стараясь угадать его состояние, а пытаясь просто ощущать нежность к нему. Он вздрогнул и поежился. Она уже и не припоминала, когда в последний раз они занимались любовью. Этого не было ни разу с тех пор, как она сказала свое «нет» его будущим детям. Когда ночью она тянулась к нему пальцами, он улыбался ей в шею, целовал уголок ее рта и резко взбрыкивал тазом, чтобы смахнуть ее руки, поворачивался спиной, чтобы она довольствовалась компанией его равнодушных плеч.

Но в свете луны она видела, как он неотрывно смотрит на половицы.

Целибат иссушил ее кожу, а кончики волос стали ломкими, как пожухлые листья. Теперь она относилась к своему телу как к деревяшке и механически мыла его, не замечая ни его запаха, ни его форм.

Она нащупала его руки и положила себе на макушку. Его руки лежали там, точно мертвые зверьки. Она поцеловала их; она была готова на все, что угодно, лишь бы вывести его из этой штормовой дрожи.

– Тан-Тан, – повторяла она снова и снова.

Если бы он только с ней заговорил, они могли бы попытаться залечить эту рану.

– Что? – опять спросил он.

И опять они не сумели найти ответа; утро продолжилось, а он осторожно убрал со своего колена ее отяжелевшую голову и, перешагнув через нее, зашагал прочь через двор с тяжелой рабочей сумкой на плече.

Она лежала на веранде, прижавшись подбородком к табуретке и сонно глядя ему вслед. Несколько раз она трогала свою голову. Скоро она соберется с силами и сбреет отросшие волосы. Что толку лежать вот так и ничего не делать.

Давай, лентяйка, шевелись!

Опять этот мерзкий голос.

И все же она села.

В окне соседнего дома зажегся свет. На веранду выползла старуха-соседка, держа в дрожащей руке горящую красную лампу. Она повесила ее на гвоздь и принялась разглядывать шелковистые заросли молочая у изгороди. Анис выпрямилась. Вид у старухи был тот еще: тяжелое праздничное платье цвета фуксии с множеством юбок, длинная и тощая, как у стервятника, шея, копна редких блестящих волос. Ранняя пташка – как и все старые женщины. Или она встала так рано потому, что и не ложилась? Анис подумала, будет ли она выглядеть так же классно в ее возрасте.

– А сейчас ты выглядишь вовсе не так классно.

Ее неприятно поразила столь жестокая мысль.

Соседка перевела взгляд с молочая на нее и помахала. Анис помахала в ответ. Эта старуха, видимо, души не чаяла в своем доме, постоянно вытирала везде пыль, подметала, но несмотря на чистоплотность, все равно ничего не могла поделать ни с буйно разросшимися кустами страстоцвета, приманивавшими к себе колибри и пчел, ни с торчавшими вкривь и вкось ступеньками крыльца. Анис несколько раз предлагала ей в помощь Тан-Тана, но старуха только отрицательно мотала головой и совала в знак благодарности щавелевый отвар да козий сыр. «У меня нет детей, – приговаривала она. – А бездетная женщина умеет многое принимать как должное». Анис почти наяву видела витавшую между ними боль, словно нечто телесное, заставлявшее знойный воздух дрожать будто в ознобе.

Старуха – забавно: Анис вечно забывала ее имя – была единственная среди всех знакомых, кто по-настоящему ее понимал, в отличие от кузины Бонами, которая доставала ее своими советами да рассказами о чудесах.

– Нужно попробовать шесть раз, Анис, и тогда ребенок обязательно родится! Надо только купить нужную траву для припарки... Расслабься, просто расслабься...

Бонами никогда не называла ее *мулицей*. Так в народе называли бесплодных женщин. Мулица. Короткое обидное словечко. Анис ничего не хотела слышать про чудеса. Ей хотелось бегать по улицам и ломать заборы в поисках проклятых мулов. Что они там болтают о припарках и о том, сколько раз их надо прикладывать, прежде чем ты наконец скажешь своему мужу окончательное «нет», – и какое же это огромное, оглушительное слово, которое способно заглушить все остальные слова, произносимые дома?

Горную гряду осветили лучи рассвета. Старуха ковыляла по веранде, и ее плечи пощелкивали в такт шагам. Вдалеке залаяла собака. Хватит прохлаждаться, пора приветствовать новый день.

Старуха тяжело присела за стол и начала что-то раскладывать перед собой. Ее руки быстро и уверенно порхали над столом, словно собирали мозаику. Анис пригляделась.

Старуха, видимо, снимала спящих бабочек с веток страстоцвета возле изгороди и из трещин в каменной стене веранды, и теперь выкладывала насекомых, словно собственный завтрак: хрупкие розовые и белые крылышки, усики-антенны, черные хитиновые тельца. Она принялась их есть, улыбаясь и жадно глотая, как карамельки. И снова помахала рукой.

Анис помахала в ответ. Было еще слишком раннее утро для бабочек, хотя бы и для спящих, но Анис решила, что старухе просто одиноко.

Бабочки были как алкоголь. В сухой оранжевой бабочке таилась хмельная капелька доброго вина. Прохладный глоток редчайшей импортной водки в белых и голубых крылатых красотках, что низко порхали над волнами, и глаз уже переставал отличать водную гладь от порхающих насекомых. Требовалась немалая сноровка, чтобы хватать их на лету и съедать живьем. А если сноровки не было, то можно было вдохнуть бабочку и закашляться, и пойманное насекомое испуганно трепыхалось бы в глотке, оставляя у тебя на зубах блестящие чешуйки. Но если ты вполне овладел навыком, проглоченные бабочки приятно грели желудок, от них начинала кружиться голова, а с ней и вся комната. Но стоило проглотить слишком много, можно было и сплевывать, грохнуться в кусты, наткнуться на двери, и тебя охватывало то веселье, то уныние. Когда тебе удавалось поймать пьяную бабочку на лету, твоя ловкость казалась необычайной удачей, и в этом было что-то очень забавное.

Не то что дурманивший мотылек, долго вялившийся в прохладном темном месте и купленный у какого-нибудь неприкаянного оборванца с Мертвых островов.

Большинство обычных мотыльков были совершенно безвредны. Мелкие мотыльки никого не тревожили. Опасность представляли крупные: с размахом крылышек сантиметров двадцать – двадцать пять, яркой расцветки, они неделями могли неподвижно висеть на кустах, теряя чешуйки и приобретая темный оттенок, а родиной их были Мертвые острова. Такие мотыльки, если их глотать, затуманивали мозги, а со временем могли и убить, не сразу, а постепенно – словно в отместку за твои прегрешения.

Зато перед смертью ты очищался от грехов.

Так говорили едоки дурманивших мотыльков.

Ей приходилось встречать таких, и выглядели они малопривлекательно.

Она еще раз бросила взгляд на соседку. Та уже проглотила всех насекомых с розовыми и белыми крылышками и блаженно дремала в кресле, приоткрыв рот и свесив руку с подлокотника.

Лет пять назад правительство попыталось извести на архипелаге всех чешуекрылых, но они не сдавались, словно обреченные на уничтожение насекомые обзавелись сознанием. Размножались с умопомрачительной скоростью, увеличив рождаемость на шестьсот-семьсот процентов, причем теперь бабочки приобрели чудесную расцветку ослепительно-ярких оттенков и необычайные узоры. Забавное и веселое было время: бабочки тучами носились по улицам, взмывая в небо и пикируя к земле, точно солдаты в пешем строю, облепляя уличные радиоприемники на столбах у домов и заглушая своими телами и крылышками громкую музыку. Редкие виды дневных мотыльков облюбовывали бельевые веревки, садились на узловатые колени старушек во дворах, кружились над сандалиями, с хрустом спешившими по гравийным дорожкам, и если одна бабочка вдруг погибала под подошвой, ей на смену спешил десяток новых; по утрам бабочки садились на выходные дамские шляпки, а вечерами тысячи крылатых проказниц вились над подносами ресторанных официантов. Дети подпрыгивали и тянули вверх ручки, пытаясь поймать первых в своей жизни голубых, черных и аквамариновых летуний; юноши использовали этот живописный хаос в романтических целях: пробивались сквозь тучи многоцветных бабочек, чтобы сообщить возлюбленным об обуревавших их страстях. Анис нравилась тогдашняя беспшабашная и церемонная атмосфера. И лишь когда все попытки уничтожить популяцию чешуекрылых прекратились, их численность вновь вернулась к норме.

Она вспомнила об этом и посмеялась про себя.

Рано или поздно все у них наладится, у нее и Тан-Тана. Нужно больше времени. Она умела заботиться о мужчине, переживавшем личное горе. Старики говорили, что боги не посылают тебе испытаний больше, чем ты в состоянии пережить. Невзгоды ведь полезны для брака, да? Они лишь укрепят их отношения.

Ну, как скажешь.

Она отмахнулась от голоса, в котором угадывался нескрываемый сарказм. Над ее головой пролетела сова, возвращавшаяся с ночной охоты. Старуха-соседка вскинула голову.

– Привет, Анис!

– Доброе утро!

– Детка, у меня для тебя кое-что есть. – Старушка скрипнула зубами, словно произнесенные ею слова были высечены из гранита, и вытянула вперед руки, сжимавшие разные плоды: тугобокие зеленые лаймы, апельсины, желтые гуавы. Хороший повод встать.

– Какие у вас красивые фрукты!

– Поди-ка сюда.

Анис подошла к изгороди. Фрукты чудесно пахли. Старуха вложила ей в ладони целую горку и прижала к груди Анис, чтобы ни один не упал на землю, а потом, наморщив нос, торопливо забормотала – Анис уловила в ее дыхании аромат пьяных бабочек:

– У твоего мужа, кроме тебя, есть другая женщина.

У Анис запылали уши. Это было странное ощущение, словно вот-вот должна была наступить глухота, но недуг замешкался и не сразу ее поразил. Лаймы в ладонях помягчели, а гуава отвердела.

– Что?

Старуха произнесла следующую фразу быстро, как будто слова запутались в рыбачьей сети:

– У Тан-Тана есть другая женщина, и она брюхатая, как спелый арбуз, что вот-вот лопнет.

– О, – произнесла Анис.

Когда происходило что-то нехорошее, ей нравилось представлять себя назойливым насекомым.

3

– Романза, вставай!

Послышалось кряхтение и сопение.

– Романза, парень, давай-ка вставай!

Это он кряхтел и сопел. Голос, звавший его по имени, был знаком, но Романзу еще жутко мутило от отравы с прошлого вечера. Он разлепил склеившиеся губы, и его собственный голос, казалось, зазвучал откуда-то издалека, не из его глотки.

– Романза, ты мне ну-у-ужен!

– М-м-м...

– Заза!

Романза Интиасар поднял голову и поглядел сквозь ветки мангового дерева, на которых лежал. Под ним, сердито нахмурившись, стояла девушка. Сонтейн. Он застонал. Ну, какую глупость она еще удумала, да еще в такую рань?

– Романза, дело серьезное. Спускайся.

Он с усилием попытался приподняться. В конце концов, его сестра-близнец осталась единственным членом семьи, кто еще с ним разговаривал, и он ее очень любил. Он осторожно сел, балансируя на раздвоенной ветке, метрах в двенадцати от земли. Ослабевшие руки были как эластичные бинты. Колени словно заплесневелые. Он кашлянул и поморщился от боли в горле. Пайлар сурово высказался бы по этому поводу, он и сейчас слышал его голос:

– Ай-яй-яй... Всю ночь шатаешься по улицам, смотри, схватят тебя и зададут по первое число – так что не только горло заболит.

Он улыбнулся; несмотря на грозные предупреждения Пайлара, он знал, что тот им гордился.

Стоявшая под деревом Сонтейн топнула ногой.

– Погоди, Сонте... О боги...

Хотя прозвучало раздраженно, сам он был настроен вполне мирно.

– Подними задницу! Я вскарабкаюсь и помогу тебе спуститься!

Судя по ее виду, она не шутила.

Он сам научил ее лазать по деревьям и поэтому не боялся, что она свалится, правда, сегодня утром она вся лоснилась, словно покрытая маслянистой пленкой, если, конечно, в слепящем свете рассветного солнца глаза его не обманывали.

– Не думаю, что ты заставишь меня слезть и размять ноги, тем более прямо сейчас!

Но она полезла по стволу, гибкая и уверенная, разговаривая с ним и с деревом одновременно. Он с усилием гнал сон. Иногда его так и подмывало рассказать сестренке о своих ночных прогулках по городу. Отчаянная дерзость его вылазок наверняка привела бы ее в восторг. Но он знал и то, что она сразу все разболтает, как только выбежит из зарослей – уж своему Данду наверняка. Только этого не хватало.

Женщины любили запускать пальцы в его длинные черные волосы, выдергивая золотые пряди и сохраняя их словно подарки; они считали его юным и безобидным и частенько рассказывали ему о своих делах. «Глядите, какие у него темные глаза!» – говорили они. Мужчины обычно рассказывали о себе всякие истории ради похвалы, но не то что женщины. Они любили обдумывать сказанное ими и извлекать из сказанного смысл, так что, если ты умолкал и просто их слушал, они могли поведать массу интереснейших вещей.

Никто бы не воспринял его рассказы всерьез, зная, кто он и что у него на уме. Он сонно улыбнулся. Самое клевое – сохранять таинственность, и ему уж точно не хотелось привлекать к себе внимание. В отличие от некоторых сволочей, которые прямо-таки заслуживали, чтобы ими заинтересовались. Вроде Пони Брейди.

Кристофер «Пони» Брейди был муниципальным советником второго округа Дукуйайе и получил известность благодаря своим кампаниям защиты молодых женщин от мужских грехов. Однажды он натравил своих прихвостней на парочку, которая целовалась на паперти церкви преподобного Латибодара. Якобы девушка была слишком юна для таких греховных слабостей. Парню сломали спину, и когда потом выяснилось, что девушка просто выглядела слишком молодо, а на самом деле ей было двадцать четыре, никто даже не возмутился, а семья паренька оказалась слишком бедна, чтобы поднимать шум.

Романза уже давно почуял, что Пони с гнильцой. Советник был лжецом и любил распускать руки, так что Романза держал ухо востро в надежде вызнать что-то про его делишки. Кто-то ведь что-то знал и мог рано или поздно сболтнуть; вчера вот трехрукая женщина и сболтнула.

Она работала на Пони Брейди и, когда они присели за столик в уголке танцзала, где раз в два дня выступали музыканты, чьи лица были покрыты черной пудрой, а гитары жалобно рыдали, словно женщины-плакальщицы, кое-что рассказала. Она к этому моменту уже изрядно напилась и шептала Романзе на ухо, да так тихо, что ему приходилось наклонять голову к ее губам. «Шшшшш», – напевал он, когда она уснула, вытянув руки на столе. Ей даже слегка полегчало после того, как она ему исповедалась; людям всегда становилось легче на душе после таких признаний.

Он не сомневался, что все рассказанное было правдой, ибо с рождения умел отличать правду от лжи.

И яркой краской написал то, о чем она ему поведала, на ярких оранжевых лентах, которые развесил на зданиях городского суда и муниципалитета, и на улицах, и на стенах домов, и на стволах деревьев, и везде – пока не утомился.

ПОНИ НАСИЛУЕТ ДЕТЕЙ

Сонтейн добралась до него, тяжело дыша и качая головой. Она умостила на крепком суку напротив, прилегла, словно подражая ему, и затараторила. Это он научил ее так делать: взобравшись на дерево, сначала выбираешь место поудобнее, а потом уж занимаешься чем-то другим.

– Заза, а ты слышал о...

– Сонтейн, чуть помедленнее.

– О...

Она слегка качнулась на суку и, сосредоточиваясь, прикрыла один глаз. Ямочки на щеках, лоснящаяся кожа, пружинки волос, девятнадцать лет – и никакого дара. Это шокировало людей. Но, по его мнению, именно отсутствие врожденного дара делало ее особенной.

Поймав равновесие, Сонтейн глубоко вздохнула. Рядом с ее лодыжкой висело небольшое облачко.

– У тебя усталый вид, – сказала она.

– Да.

– Ты слышал, что стряслось в Лукии?

– Откуда? Ты же меня разбудила.

– Знаешь Кристофера Брейди?

– Не-а. – Он врал, как и все, но ему это не нравилось.

– Да знаешь!

– Разве?

Она почесала свое лоснящееся плечо.

– Крупный политик. Папа несколько лет назад принимал его дома.

– Пони Брейди. Угу.

– Он изнасиловал девятилетнюю девчонку. Заза. Меня сейчас вырвет.

– Да.

– Папа сказал, его арестуют. Какой-то местный граффити-художник исписал надписями весь город.

– Какой еще граффити-художник?

– Ну, который пишет скандальные надписи. Это же он разоблачил ворюг в пекарне Плюи, которые торговали пирожками с кошатиной. Он доставляет папе немало радости. Этот парень всюду лезет.

– А с чего они решили, что он не клеветает?

– Да все, о чем он говорит, оказывается правдой. Папа сказал, что он дал распоряжение начальнику полиции задержать Брейди. Нашли двух свидетелей, которые готовы дать показания, и мать девочки тоже вроде набралась храбрости и заговорит, и очень может быть, он насиловал и других детей, прости нас, грешных! Папа ругается, говорит, у него сейчас нет времени, но я ему посоветовала не оставлять это дело.

– Надеюсь, Сонте, он не оставит! – кивнул Романза.

Он не особенно доверял ни отцу, ни полиции, но лишь надеялся, что кто-нибудь тихо зажмет Пони в углу и набьет ему морду, даст передохнуть, а потом снова навалит.

– В общем, – продолжала Сонтейн, – я тайком выбралась из дома, чтобы провести час с братиком, пока не начался тарарам.

Он ущипнул ее за нос.

– Ну и хорошо.

– Сегодня еще затемно старая дама с мамой пришли меня будить, чтобы намазать маслом.

Он поморщился. Она зачем-то врала, отчего его больное горло заболело еще больше. Большинство людей врал: от стыда, от страха, ради выгоды. Он не держал зла на лжецов, но Сонтейн, как правило, старалась не уязвлять его ложью. Возможно, сейчас она лгала, чтобы успокоить себя – приуменьшить что-то. Но это была одна из худших разновидностей лжи. Он взгляделся в парившее около нее облачко. Его испугал этот странный разговор.

Она насупилась.

– Ты не придешь завтра ко мне на свадьбу, да?

Он закашлялся так сильно, что им обоим пришлось вцепиться в сотрясшиеся ветви. На мгновение ему захотелось стать кем-то другим.

– Да нет, я и не собирался.

Сонтейн потянула себя за мочку уха. Интересно, подумал он, мама замечала, что сестра делала так, когда смущалась или печалилась? Вряд ли.

– Наверное, папа не позволил бы тебе присутствовать, – вздохнула она. – Даже на ступенях храма не постоишь, Заза?

Ему не хотелось, чтобы она обижалась на отца накануне свадьбы. Папа хоть и был глупец и религиозный фанатик, но все же любил Сонтейн. Некоторые учатся житейским премудростям через любовь.

– Как настроение? – спросил он. – Свадебное платье готово? Ты сама-то готова?

– Да.

Романза зажмурил один глаз, словно получил резкий удар в челюсть.

– О, Сонте, что такое! – И он обхватил ее за талию. – Ты думаешь, я не учую такую явную ложь? Что с тобой стряслось?

Уголки ее рта опустились.

– Ничего.

– О-о-о-о-о. Вот оно что! Вы с Данду ссоритесь? – Ему нравился Данду. И он знал, что значило, когда Сонте оттягивала свою мочку.

Она молчала, потупив взгляд.

- Да я пошутил. У тебя с ним и правда разлад?
- Не-е-е-ет.

От такого нагромождения лжи у него закружилась голова. В их отношениях явно возникла проблема, но, возможно, Данду об этом даже не догадывался. Романза кашлянул.

- Если тебя что-то беспокоит, тебе надо ему рассказать.
- Знаю.

– Тайны могут разрушить любовь, Сонтейн.

Она бросила на него злобный взгляд.

– Да знаю я, знаю! Перестань смотреть на меня так, будто ты все на свете знаешь!

– Я знаю все!

– Заткнись!

– Это как же понимать: ты залезла на мое дерево, чтобы приказать мне заткнуться? Тогда я возьму и скину тебя отсюда!

– Твое дерево? Ты же сам говорил, что у деревьев нет хозяев!

– Когда я такое говорил?

– Да все время! Так что ничего у тебя нет, свихнувшийся ты голодранец!

Он скривил губы.

– Девочка, да ты даже не догадываешься...

– Свихнувшийся пожиратель отравы!

Вот так она будет хохотать, когда выйдет замуж за Данду. В этом у него не было сомнений.

– Ты лучше послушай меня, – задиристо продолжал он. – Знаешь, у меня же давным-давно есть парень...

– И ты считаешь, что раз у тебя отношения с мужчиной, то ты что-то можешь понимать в отношениях с женщиной?

– Конечно! Расскажи мне, что произошло. Данду не понравилось платье?

– Романза!

– Платье страшное? В нем ты похожа на пирожок с начинкой?

– Ты идиот! – расхохоталась она.

– Он заглядывается на других девчонок?

– Я его убью!

– Так вот оно что! Он засматривается на другую!

– Ты же знаешь, что это не так! – Она заплакала, но продолжала хохотать.

– Эта девушка красивее тебя?

– Надеюсь, эта отравы тебя убьет!

– Да что ты? Вранье!

– Надеюсь, как-нибудь ночью ты свалишься с этого дерева.

– Сонте, мне же будет ужасно больно!

– Надеюсь, ты наконец влюбишься в женщину!

– Хватит!

К дереву подбежала ящерица, подняла взгляд на хохочущих брата и сестру и уползла по своим земноводным делам.

* * *

Когда они были детьми, отец после регулярного посещения храма разлучил его с женщинами, оставив обиженно надувшую губы Сонтейн с матерью и служанками. Папа повез его к дяде Лео, своему лучшему другу. Они обычно подъезжали к круглой хижине ближе к вечеру. Лео видел их и кричал в окно:

– Малыш, хочешь посмотреть, что дядя Лео сегодня приготовил?

Новые игрушки. Как всегда. Едкий запах свежей краски. Романза лежал на пол в маленькой комнатке и двигал игрушечные корабли под стулья и между папиными ногами, а тот шуточно жаловался, что ногам щекотно. Мужчины пили крепкий ром и ловили ртом пьяных бабочек прямо на лету, а также обсуждали коммерческие проекты. Романза потом выбегал во двор, волоча за собой на веревочке игрушечную повозку под одобрительные возгласы Лео. Дядя Лео, с его косматой бородой, был лучшим взрослым из всех, кого знал мальчик. Дядя Лео врал только в самых крайних случаях, когда не врать было нельзя и чтобы кого-то не обидеть. Он был очень обходительный и всегда слушал, не перебивая – не то что другие взрослые.

– Быстрее, Заза!

– Жители Попишо терпеть не могут торопиться! – резко возразил папа. Иногда он глотал чересчур много бабочек.

– Боже мой, Берти, успокойся!

– Да с кем ты, сволочь, разговариваешь?

Романза вполз под стол и сел там, скрестив ноги, прижав ладони к лицу и заткнув пальцами уши. Он не любил, когда папа вел себя так мерзко. Дядя Лео сказал, что пора увозить Зазу домой, ему так не кажется?

– Да что ты знаешь о детях? – насмешливо заметил папа. – Что-то я не вижу тут Данду.

– Берти, он же у матери живет. Там ему самое место. Не могу же я растить мальчишку в одиночку.

По дороге домой отец держал его за руку.

– Ну, так какая игрушка тебе понравилась, а, мой необычный мальчик? Как думаешь, смогу я их продавать по всему миру?

Романза с тревогой взглянул на него.

– Ну, улыбнись же мне, малыш. У тебя лучшая на свете улыбка, сделай папе приятно.

Старинная поговорка гласила: камни на дне ручья уверены, что солнце мокрое. Многие годы он думал об отце в таком же духе. Он не плохой, просто он застрял на дне реки, как камень, и не умел видеть мир иначе.

Но потом появился Пайлар.

* * *

Ящерица вернулась и уставилась на Романзу, положившего голову на грудь Пайлару. Утреннее солнце баловалось в листве над ними, бросая золотые кляксы и крапчатые полоски на их кожу, пробираясь сквозь дырки, прогрызенные в листве насекомыми. Солнечные лучи притворялись дождевыми струями, стекавшими по веткам на землю. Пайлар поднял ногу и вздернул большой палец перед головой ящерицы. Та слегка куснула его. Романза смотрел на друга. Но, судя по его взгляду, мыслями Пайлар находился где-то далеко-далеко, как это часто и бывало: а все потому, что он слишком много времени проводил, приложив ухо к земле и прислушиваясь. Иногда приходилось ждать полдня, чтобы Пайлар наконец обратил внимание на обращенные к нему слова. Его голос напоминал Романзе воронье карканье, да и волосы у него были черные, как воронье крыло.

– Сегодня что-то произойдет, – сообщил Пайлар.

Романза обернул вокруг пальца прядку волос Пайлара и ласково постучал по его носу. Брови Пайлара вспорхнули, словно две птички.

– Кое-что очень важное. Тебе надо будет поступить мудро.

– Только мне следует быть мудрым на всем Попишо? – поддразнил его Романза. – Сурово.

Пайлар поцеловал его в губы, заставляя умолкнуть.

– Больше ты мне ничего не скажешь?

– Больше я ничего не знаю.

Сказал, точно выкрикнул.

– Пайлар!

– Прости, ложь вырвалась невольно. Я хочу сказать, кое-что я подозреваю, но поскольку это всего лишь подозрение, я не хочу говорить тебе обо всем, что думаю. – Он улыбнулся. – Я понимаю, любимый, что не могу тебя остановить, не могу запретить бродить по улицам и совать нос в чужие дела. Но запомни то, что я сказал.

Романза поцеловал его в лоб.

– Да ты, по сути дела, ничего и не сказал.

Ящерица сидела на освещенном солнцем бугорке и глядела на них.

4

Завьер поднялся на ноги в кухне, стряхнув с себя воображаемый звук мертвого голоса Найи. Входные двери ресторана с грохотом распахнулись, впуская внутрь четырех молодых женщин во главе с Му, и женщины, хохоча и препираясь, разбежались по заведению, деловито приступив к привычным обязанностям. Их гомон окончательно рассеял призрачный флер, за что он был благодарен.

Сегодня ему предстояло обратить внимание на бытовые дела: скрипучие шаги Айо и Чсе на втором этаже; строгие указания Му; тихое пение женщин, занявшихся мытьем посуды и наведением порядка в кухне, – они делали это тщательно и аккуратно.

Его заведение должно сегодня сверкать, о да! Он бы и сам взялся за дело, если бы возникла такая необходимость.

Ему нравилось представлять себе, как люди поднимаются с кроватей, берутся за веера для огня, чтобы раскочегарить каменные печи для утреннего хлеба. В городе было три пекарни, и в Дукуйайе можно было даже купить хлеб, привезенный на кораблях – снобы из горных поселков раскупали эту дрянь подчистую, – но большинство жителей архипелага до сих пор сами пекли хлеб по утрам. Скрежет жерновов для маисовой муки и мерные хлопки свежего теста, которое женщины вымешивали и раскатывали вручную, как его бабушка и как ее мать до нее, вымешивая и останавливаясь, чтобы передохнуть и заправить выбившуюся прядь, после чего их волосы покрывались мучной пылью, и молодые женщины выглядели много старше своих лет. Он и сам частенько находил маисовую муку на своих дредах, которые делали его похожим на женщину и вызывали у многих неодобрение. Потому что дреды носили только никчемные бездомные мужчины.

А он старался относиться равнодушно ко всему: и к обожанию, и к неодобрению, и к завышенным ожиданиям.

Он выскользнул из кухни и пошел наверх. К этому времени по радио уже закончили передавать и государственный гимн, и утренние молитвы, и прогноз погоды. Присел в гамак Найи и включил приемник. Может быть, скажут что-нибудь про него.

– Доброе утро, Попишо! Я Ха, дочь Луса. Будь благословен день сегодняшний. Боги уже разбудили солнце! Вы готовы меня выслушать?

Он как-то услышал на улице разговор местных об этой ведущей утреннего шоу – первой в истории архипелага. Они обсуждали ее с негодованием: куда катится этот проклятый мир? А он горячо одобрял женщин, занимавшихся тем, чем они хотели. У нее пожар в животе, ехидничали уличные сплетники, ей прямо неймется!

Судя по интонации, Ха все это говорила с улыбкой, без малейшего притворства.

Он беспокойно шевельнулся и выпрыгнул из гамака.

– У нас такие события! Все с восторгом ждут завтрашнюю свадьбу! Губернатор Интиасар предлагает нам всем столько бесплатных радостей, что я аж со счета сбилась! Бесплатная еда! Банкет с музыкой! Подарки всем! Я не знаю мужчины, который так бы радовался тому, что его дочь выходит замуж! Надеюсь, что и Сонтейн Интиасар радуется не меньше папы!

Завьер улыбнулся. Эта ведущая прямо диссидентка – лопочет в микрофон, как деревенщина. Никаких попыток имитировать английский говор, ну дает!

– Накануне свадьбы невесте самое время еще раз хорошенько подумать, ты меня слышишь, Сонтейн Интиасар? – Ха лукаво усмехнулась. – У тебя еще остается целый день и целая ночь, чтобы окончательно решить, подходит ли тебе такой мужчина. И не обращай внимания на весь шум, который мы тут подняли в связи с твоими планами! Мужикам легче, они всегда точно знают, что получают в браке, – женщину, которая будет заниматься домашним хозяйством. А вот женщине приходится заботиться о себе самой, как только из головы уле-

тучатся воспоминания о красивом свадебном платье и свадебном застолье. Дамы, я знаю: вы меня отлично понимаете! Признайтесь, ведь многие из вас пожалели, что не подумали дважды, прежде чем вступить в брак?

Завьер понял, что эта женщина ему очень даже по душе.

– ...покуда Сонтейн еще раздумывает, воспользуйтесь щедростью губернатора Интиасара сегодня, слышите меня? Я призываю вас: ешьте от пуза и пейте до упаду!

И тут он услышал то, чего опасался.

– Но берегитесь радетеля! Только представьте себе: этот милашка-мужчинка совершает сегодня древний ритуал обхода! Дамы, что вам об этом известно? Скоро он придет в ваш район!

Завьер вздохнул. Она перестала ему нравиться.

В дверь спальни постучали.

Может быть, не стоит ему совершать обход и вообще ничего не делать? Может быть, хотя бы сегодня Найя наконец придет?

– Вы сразу узнаете Завьера Редчуза, когда его увидите. Я слыхала, очень он неуживчивый парень. – Веселый смешок. – После того, как Сонтейн Интиасар слопаёт свадебный ужин, я вам зачитаю здесь меню празднества, чтобы вы все могли готовить не хуже нашего радетеля.

Он выключил приемник и, постучав по его корпусу, встал. Взглянул на гамак Найи.

Снова стук в дверь – еще более решительный.

Он пробормотал «да», потом повторил громче.

Дверь приотворилась. Раздалось хихиканье, потом в щелку просунулась маленькая ладошка, сжимавшая клочок бумаги. За ней быстро показалась длинная худая рука, которая вдруг вытянулась до двух метров, и лист бумаги затрепыхался в воздухе.

– Угадай, кто это, дядя Завьер!

Ей нравилась эта забава. Она принялась так дурачиться после того, как он запретил ей вбегать на кухню, когда он готовил. Он просто хотел оградить ее от опасностей. Теперь она проделывала свой фокус с растягивающейся рукой, желая его развеселить.

– Ну так кто же это? С такой красивой коричневой рукой?

Хихиканье за дверью. Она была не одна. И потом торопливо, взмахнув:

– Мы можем войти? Мама Оливианны сказала, что ей можно позавтракать прямо здесь, но сначала ты должен ее помыть!

– Входите, входите! – Он уже раньше мыл малышку.

Чсе вошла. Ее рука снова укоротилась до нормальной длины, а из-за ее спины показалась темнокожая девчушка с розовыми легкими, болтавшимися у нее на боках, точно кожистые мешочки.

– Они сегодня утром загрязнились, – объявила девчушка.

Завьер усмехнулся, и малышка с важным видом на него уставилась. Одна из неприка-
янных обитателей Мертвых островов. Этих голодранцев можно было сразу узнать по скудной потрепанной одежке и немигающему взору; многие из них утратили способность моргать и жить в домах. У них всегда был тяжелый задумчивый взгляд, как будто камень решил смотреть на тебя, помня о почве и соках земли, минералах и зное. Он не видал этой малышки уже несколько недель; за это не столь продолжительное время она еще больше отошала. Впалая грудь, торчащие ключицы.

Она шагнула к нему, и он нахмурился. У нее, похоже, вспух животик. Он помог девчушке помыть легкие над раковиной в ванной, но под ее безжалостным взглядом руки плохо слушались. Может быть, она голодает? На Попишо? Старики рассказывали, что очень-очень давно, когда их предки напрочь позабыли, как нужно ухаживать за землей, такая смешная небывальщина была в порядке вещей. И земля им отомстила: сотрясением и смертоносной засухой. Сотни людей тогда умерли. Во всяком случае, так говорили. Но как эта нищая девчушка могла голодать сейчас, когда ее родичи могли обрабатывать бескрайние плодородные земли?

Но сам он готов же ежедневно потрафлять людским прихотям, тратя свое время на ерунду?

Оливианна взмахнула мокрыми легкими, напомнив ему, что неплохо бы высушить их феном.

Наверное, она ела слишком много отравы. Дети из бедных семей ели фрукты, овощи, корнеплоды, насекомых, иногда мясо – и отраву. У их потомства постепенно выработался иммунитет оттого, что в их пищу добавляли растворенную в речной воде чешую ядовитых рыб, кусочки ядовитых ягод манцинеллы, крошечные стружки зеленого аки. Он как-то спросил у Дез'ре зачем.

– Никто не знает, – ответила она.

А он знал, чем накормить этого ребенка. Всегда знал. Магический *дар* был подарком богов, и он им обладал. Ему всегда было так странно думать об этом, говорить и чувствовать это.

Он не помнил, кто первый шепнул в его присутствии «радетель», но зато помнил, чего стоило его матери начать продавать приготовленную им еду. Слава о его кулинарных инстинктах сразу разнеслась по архипелагу. Ему было всего десять лет, когда мисс Милость-с-большой-дороги смогла избавиться от головных болей – только благодаря его кокосовому пирогу с яблочным повидлом, и двенадцать, когда безумная Анастасия Браун перестала испражняться под соседскими дверями, съев дюжину его финиковых конфеток. Ничто так не пойдет тебе на пользу, как еда, приготовленная мальчуганом Редчузом, в один голос уверяли местные. При условии, что тебя не покоробит его вид, когда он заходит в кухню. Вид у него всегда такой, словно он хочет своей стряпней не пробудить ваш аппетит, а напомнить о ваших неудачах.

* * *

Он отвел девочек вниз и выхватил из печки одну из сладких картофелин, которые пекла на открытом огне Му. Потом усадил Чсе за стол, выдав ей половинку печеной картофелины, украшенную кусочками авокадо, толченым миндалем, резаным свежим помидором и мелко порубленными хрустящими соцветиями брокколи. Другую половинку картофелины он растолок с семенами кардамона и добавил ландышевого масла – очень полезного средства против расстройства желудка – с ложкой свежего арахисового масла, которое он сбил только вчера.

Затем усадил Оливианну себе на колени и сам покормил. Он ее не торопил. Ей нужно было чувствовать себя спокойно, в безопасности. Ее легкие колыхались по бокам. Чсе подняла ногу и, жуя, вытянула ее так, что подошва практически дотронулась до потолка, попутно едва не развалив высокую горку вымытого ямса и чищенной моркови. Завьер похлопал непокорную ногу, и Чсе ее опустила.

– Дядя Завьер... Вчера Оливианна помогла мне подбирать гостей на следующую неделю!

Это было еженедельное задание Чсе, которым она очень гордилась: для тренировки выписывать каллиграфическим почерком двенадцать имен наугад из хранившегося в мэрии списка обладателей того или иного магического дара, чтобы потом пригласить их отведать блюда, приготовленные радетелем.

Завьер улыбнулся.

– Да?

Оливианна, должно быть, и впрямь ее *самая* особенная подруга. Ведь больше никто не удостоивался такой чести.

Оливианна хлопнула легкими.

– Я выбрала имя-я-я!

Ее возглас вызвал восторг у Чсе, и рука девочки моментально вытянулась. При этом она взмахнула мешочком, в котором хранились выписанные на бумажке имена. Мешочек чиркнул по горке овощей, та опасно покачнулась.

– Чсе, води себя прилично!

Племянница обиженно надула губки, и он погрозил ей пальцем. Она опустила мешок, на сей раз ничего не задев.

– И что это за имя? Прочитай!

Маленькая ручка достала из мешочка смятый листок бумаги и гордо его разгладила.

– Джеремайя Джейсон Хоакин Джеймисон, тридцать два года, из Плюи, – прочитала Оливианна первое имя. – Дар разжигать пламя.

– Очень хорошо. Значит, мы пошлем приглашение брату Джеймисону в надежде, что ему понравится наша стряпня и он не сожжет наши цветы. Чсе, запиши мне это имя, пожалуйста.

– Я разрешила Оливианне выбрать еще, потому что она – гость.

– Ну и отлично. Выбрала?

– Луиза Сидони Херон, пятьдесят пять. Она очень старая, дядя.

– Не такая уж и старая. И каким она обладает даром?

– ...пятьдесят пять, из Лукии, и ее дар в том, что она умеет изменять свой рост... максимум до пяти с половиной метров в момент измерения... до *минимум* тридцати пяти с половиной сантиметров.

– Минимум. Надеюсь, мы сможем уместить ее под нашим потолком, а может, она уменьшится, и тогда мы сможем сэкономить на еде.

Чсе весело взмахнула удлинившейся рукой. Из горки овощей выкатились три темно-красные морковки.

– Он же попросил тебя не дергаться, – с укором заметила Оливианна. – Сонтейн Мелоди Игнобл Интиасар, девятнадцать лет, никакого дара у нее нет.

Он почувствовал, как по коже побежали мурашки. И откашлялся.

– Тебя кто-то подучил назвать ее имя, Оливианна?

– Пришел один дядя и сказал, что это особенное имя, – радостно произнесла девчушка.

– Это я дала ей особенное имя, – призналась Чсе и обняла подружку, при этом ее руки стремительно вытянулись через всю кухню, словно две удочки, походя развалив аккуратную пирамиду из ямса и морковок, превратив ее в желто-красную овощную россыпь.

Чудесные руки.

Что ж. Интиасар сегодня был настроен весьма серьезно. На случай, если у Завьера возникнет искушение попытаться, как сказали бы старики, сломать кукольный домик мисс Сонтейн.

– Я понял. Понял, кто для тебя особенный.

Завьер отправил маленькую оборванку восвояси, дав ей записку для матери, в которой приглашал заглянуть к радетелю, когда ей будет удобно, и поговорить с ним о еде.

* * *

Он не знал, с какой целью боги создают таких поваров, как он. И как-то решил обсудить это с Дез'ре. Если наша миссия – приносить людям радость, то мы могли бы быть кем угодно. Скульпторами. Музыкантами. Кукольниками.

– Не говори глупости, – возразила Дез'ре. – Первое, что сделала ведунья после твоего рождения – обмыла тебе рот, чтобы ты мог взять мамину сиську. Так что в нашей жизни еда – самое главное!

– А танцы?

– Ну ты скажешь! Я не умею танцевать, да и ты тоже.

Но она умела танцевать. Она умела делать многое, почти все. Он был взрослый мужчина, а до сих пор иногда испытывал трепет под ее взглядом.

Все, что он умел – это готовить еду.

Большинство посетителей наведывались к нему в ресторан в одиночку и, затаив дыхание, входили внутрь. Он поднимался на чердак и оттуда наблюдал за наполнявшимся зал гостями. Он угадывал, что они хотят. Каждый гость мог привести с собой одного спутника, но люди предпочитали дожидаться назначенного им часа, поэтому обычно ели в одиночестве или подсаживались поближе к другим избранным в зале. У него на глазах завязывались дружбы, страстные романы, доверительные беседы, когда женщины не таясь хватали друг друга за руки и выбалтывали старые секреты. Любовь! О, смеху было! Случалось, кто-то падал в обморок прямо в дверях ресторана или топал ногами и артачился, отказываясь садиться за стол, пока его не утихомиривали. Он не обращал внимания на подобные глупости, хотя иногда по вечерам выходил из кухни и прохаживался вдоль балкона под потолком, слушая восторженный шепот из зала. Он ненавидел эти ритуалы, но понимал, что толика театральности в его деле необходима. Люди должны были видеть, с каким тщанием он относится к своей миссии, – и он регулярно проверял, не увял ли белый гибискус в цветочном горшке на каждом столике и не погасла ли лампа с цитрусовым маслом, отгоняющая назойливых mosquitos.

В этом году один мужчина приводил сюда в качестве гостя трех разных женщин, надменно оглядываясь и подмигивал его официанткам, а Айо стоял в дверях кухни, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– Этот наглый сукин сын опять здесь, Зав!

Завьер был уверен, что удача рано или поздно оставит наглеца-бабника. Предполагалось, что трапеза у избранного богами радетеля могла быть лишь раз в жизни. Ты мог долго мечтать о блюде, приготовленном для тебя радетелем. Потом наконец съедал свою мечту. После чего мог мечтать оказаться здесь еще раз. Завьер восхищался вкусом этого бонвивана: к жизни, к любви. Женщины рядом с ним казались счастливыми.

Но когда тот заявился к нему в четвертый раз, Завьер его выставил.

Он мог заниматься своим делом в любое время, но предпочитал готовить по ночам, в тишине и покое, много-много перемен блюд, которые подавались неспешно, с расчетом на то, чтобы они хорошо переваривались. Щедрые порции в глубоких тарелках, где густой соус лениво плескался, точно море в лагуне, а в следующий час он подавал нечто в форме небольшого кубика, и официантки, принося эти миниатюрные блюда, шикали на едоков, предлагая им умолкнуть и целиком сосредоточиться на вкусовых ощущениях. В его заведении превыше всего ценилась интимная атмосфера покоя. В углу зала брэнчал женский инструментальный дуэт: ситар и настенный барабан, едва слышные, как жужжащие насекомые, которым Завьер позволял залетать в зал. Он всегда нанимал только музыкантов-любовников. Их чувства придавали инструментам особенно выразительное звучание.

А под потолком ресторана раскинуло крону стихотворное дерево, и его яркие синие плоды болтались на ветках, точно сочные аквамарины. Стоя у себя на балконе, он видел, как в конце вечера официантки жестами указывали на дерево, и в их притихших голосах слышалась почти-тельность.

– А теперь мы всех приглашаем сорвать стихотворение.

Посетители встречали эти слова смехом и восклицаниями – это была его самая любимая часть вечера.

Он нашел плоские коричневые семена как-то во время прогулки по западной части Баттизьена на небольшом каменистом пляже, где никто не купался из-за крупной гальки, – как раз перед тем, как они с Найей переехали в этот дом. Он не понял, что это за семена, но по привычке принес их домой и посадил в землю рядом со старым кустом помидора, да и забыл. Но Найя их заметила.

– Завьер, на огороде выросло дерево, оно быстро растет, и на его ветках распускаются стихи. Выйди, посмотри!

Он пошел посмотреть только после ее третьего напоминания. Синие плоды, когда с них сняли кожуру, оказались на удивление сухими, а в сердцевине обнаружился обрывок фразы:

Ешь мед богиня сырая

– И что это значит?

– Понятия не имею. – В глазах Найи заплясали огоньки.

– И что, в каждом плоде прячутся слова?

– Ну да! Ты когда-нибудь видал такое?

Они сели рядышком и принялись разламывать плоды, читать бессмысленные словосочетания, которые были одно страннее другого, и хохотали до тех пор, пока у нее не опустились уголки рта.

– Ни одна строчка не закончена.

Она вдруг стала безутешна.

– Такое впечатление, что боги попытались сочинить стихотворение, но потом порвали написанное и выбросили обрывки на ветер.

– И что?

– Ты не понимаешь, что я имею в виду?

А он и рад был понять.

После этого он вырыл дерево и посадил в середине зала в надежде позабавить жену. Но когда сообщил ей название будущего ресторана, она только вздохнула.

– Мне его изменить?

– Делай как хочешь.

– Я думал, тебе понравится.

Вздых.

Иногда он замечал, как она срывала плод, снимала кожуру и пыталась дописать незаконченное стихотворение.

* * *

Он стоял в кухне и смотрел, как в саду бегают и щебечут официантки, и в последних влажных рассветных лучах их руки и плечи казались сероватыми. К ним присоединилось несколько местных парней, и все они носились по саду и перекликались на разные лады. Ему нравился этот веселый гомон. Ведущая к пляжу тропа сегодня казалась длиннее обычного. До его слуха доносился стук топора: кто-то позади дома рубил дрова.

– Ты полюбишь кого-то, Зав, – уверял его Айо, когда тот начал снова появляться на публике.

Но, думая о предстоящем пешем путешествии по архипелагу, он не был так в этом уверен. Ну какой скорбящий радетель прятался от людей и трясся под открытым небом?

Он обернулся посмотреть, как Му, нащупав кособокую луковицу, принялась исправлять ошибку природы, шинкуя ее ровными полукольцами, чтобы сделать похожей на прочих собратьев. Он знал, что она мысленно прикидывает, как лучше все упаковать для отправки в резиденцию Интиасара, с учетом количества лярда, объема печей и времени приготовления ингредиентов блюд, чего она не могла знать заранее.

Приготовление пищи для людей было священнодействием, и он без проблем этим занимался, но Интиасар сделал заказ, намереваясь его унизить.

Му, наверное, принялась бы утирать пот с его злобно нахмуренного лба – уж он-то хорошо знал ее повадки!

События сегодняшнего дня были неизбежны. Он не мог больше им противиться.

Завьер включил кухонный радиоприемник. Му выключала его, когда он приходил на кухню.

– ...сэр, вы только не беспокойтесь. – В эфире все еще хозяйничала Ха. – Губернатор Интиасар обещал поговорить со мной в нашем шоу, это произойдет очень скоро, и я обязательно задам ему ваш вопрос о налоге на коз.

– Наша мерзопакостная власть не желает даже принимать авансовые платежи! – ругнулся слушатель.

– Сэ-э-эр, прошу вас, воздержитесь от сквернословия в прямом эфире! – простонала Ха.

Вот теперь она вела себя как нормальная радиоведущая. Призывала людей быть вежливыми.

– И еще я хочу знать, что власть намерена делать с раками в реке позади моего дома. Куснешь их – будто сахар полизал. Может, Интиасар придет ко мне домой и сам попробует этих раков? А? Вы когда-нибудь слышали такое, мисс Ха? Раки не могут быть сладкими!

– Да, это очень странно, вы правы...

– Мне нужно еще жгучего перца, – объявила Му. Она обтерла мокрые руки о передник и кивнула на завернутый в бумагу сверток, лежавший около раковины. – И еще мальчишка-рыбак вернулся. Просил передать вам это, в знак уважения.

Завьер подхватил сверток, который оказался на удивление увесистым.

– Думаю, он ждет снаружи. Он все еще испытывает печаль по Найе, радатель.

– Ты считаешь, мне не все равно, что он там испытывает, Му?

Она опустила голову и стремительно выбежала прочь, так что двустворчатая дверь на шарнирах еще некоторое время продолжала ходить ходуном.

Под бумагой оказался еще один сверток, весь измятый и измызганный жирными следами от пальцев. Он развернул сухие банановые листья и вытащил предмет, который мгновенно вызвал у него изумление. Это был большой выптербленный камень. А может быть, это было нечто такое, чего он раньше никогда не пробовал, – нечто интересное и печальное. Такое редко, но случалось: он знал, что существуют съедобные камни и даже бывает съедобная грязь. Но этот камень не вызывал желания его съесть.

Завьер нахмурился.

Из бананового листа на пол выпал небольшой плоский конверт. Он нагнулся и поднял его одной рукой, а другой потянулся к джутовой сумке, висевшей на вбитом в стену гвозде, снял ее и надел через плечо. Эта сумка могла ему понадобиться во время обхода. Люди с радостью будут отдавать ему любые выращенные ими плоды, которые ему приглянутся.

Молю вас, боги, пусть это будут не только камни и прочая ерунда.

Завьер высыпал содержимое конверта себе на ладонь, тихо ругнувшись, выронил на пол и попятился к выходу из кухни.

Мальчик-рыбак подарил ему мотылька.

Он видел мотыльков всюду и всегда, вечерами они роились среди москитов, сверчков, летающих тараканов, болтавшихся на ветках ящериц – словом, вперемежку со всей ночной живностью архипелага Попишо. Он старался их не замечать.

Надо взять себя в руки и отправиться на поиски мотылька, который тебе понравится. Дурманящего мотылька вроде этого.

Он сделал шаг к мотыльку, присел, вгляделся. Размах крыльев сантиметра двадцать три, толстое тельце. Бабочки, когда присаживались для отдыха, складывали крылышки, а мотыльки, наоборот, распускали их, словно приглашая восхититься их причудливой красотой. Он поднял мотылька. Желто-коричневые чешуйки с крылышек заблестели у него на пальцах. Это была

медвяная падь: вероятно, мотылек питался сладкой росой, выделяемой листьями некоторых растений. Интересно, долго ли мальчишка копил деньги, чтобы приобрести этого мотылька? А его отец был в курсе? Он положил насекомое на кухонную стойку. Десять лет он не притрагивался к этим мерзким тварям, а люди до сих пор считали его рабом вредной привычки.

Он слизнул с нижней губы капельку. У него началось обильное слюноотделение.

Это был щедрый подарок: королевский мотылек.

Он заторопился. Толстая потрепанная записная книжка, четыре остро заточенных карандаша и красный кожаный мешочек на длинном шнурке, который он выудил из глубины комода. Он сунул записную книжку и карандаши в сумку, а затем с ловкостью курильщика, скручивающего себе сигарку, свернул желтого мотылька и положил его в мешочек. А мешочек опустил в правый карман.

Он выпрямил спину, отчего стал выше ростом.

– Завьер! – позвал его Айо.

* * *

Почти вся молодежь уже ушла из сада. Только одна официантка сидела на лавке и отколупывала кусочки плоти с плеча мальчишки-рыбака – другая таким же образом могла бы попытаться совратить юнца. Завьер заметил белую косточку и услышал легкий стук, когда официантка щелкнула по косточке указательным и большим пальцами. Мальчишка схватил ее за талию, заметил, что Завьер за ними наблюдает, и оттолкнул девицу так сильно, что та вскрикнула.

– Радетель!

Завьер шагал прочь, не оборачиваясь. Он услышал, как за его спиной Айо пробормотал: «Не сейчас!», но мальчишка преградил им путь.

– Радетель!

Инстинктивно он вдруг почувствовал присутствие Му, которая, вытаращив глаза и махая руками, пыталась остановить мальчишку. Топот ног, взмахи рук, взволнованное дыхание. Если бы он только вслушался в море, ничего бы не случилось. Куда ни пойдешь на Попишо, повсюду можно услышать шум прибоя.

– Радетель, вы получили то, что я вам оставил? Леди, вы обещали передать ему... Мне очень *жалось*... Вот и все. Мне *так жалось*, радетель!

Возможно, он ощутил, как пальцы мальчишки стали тереть его собственное плечо, впиваясь в кожу, проникая почти до самой кости.

Он вспомнил, как его теща дубасила в дверь в этот день ровно год назад. Она звала его, и в ее голосе сквозило такое отчаяние и горе, какого ему не доводилось слышать, когда она рассказывала, как мальчишка, сын рыбака, нашел тело Найи на глубоководье, и как из ее ушей выплывали маленькие белые рыбки, и как вокруг нее плавали печальные водоросли и... *о, Завьер, она говорила с тобой, она говорила с тобой перед тем, как?..*

Они с Айо спустились по ступенькам, высеченным в склоне утеса, к бормочущему океану. Завьер замедлил шаг, чтобы дать возможность прихрамывающему Айо не отстать. Они встали перед водой. Рассвет наконец-то запылал, как свежий кровоподтек. Осиянный желто-багровым светом белый песок теперь искрился всеми цветами радуги. Высоко над ними на краю утеса стоял мальчишка-рыбак, чьи ноги и руки отсюда казались угольными палочками.

Сумочка. Глубоко в кармане, чтобы ее не увидел Айо. В ней лежит. Мотылек. Да.

В общем, он вернулся к прежней жизни.

* * *

Ему было шестнадцать, когда он решился пройти проверку, главным образом потому, что ему надоело выслушивать подколки. Никакие доводы не могли убедить его мать в том, что никакой он не будущий радетель. И если бы сама Дез'ре не признала в нем такового, Трейя Редчуз ворвалась бы к ней в дом и обвинила во лжи.

– Ты пойдй у нее спроси, – говорил Айо. – Порадуй ее.

Жить под одной крышей с безрадостной матерью – удовольствие небольшое, в этом они были единодушны.

Словом, он отправился в ресторан Дез'ре на Дукуйайе и спросил, где она, – сначала у пекарей в пекарне, а потом вернулся в ресторан и спросил там работников, которые подняли его на смех. *За Дез'ре вечно бегают юнцы да ищут ее повсюду!*

Он ушам своим не поверил – как они могут говорить о ней так непочтительно! Ведь всем было известно, что Дез'ре Де-Бернар-Мас обладала магическими чарами, благодаря которым повелевала всеми ароматами радуги и могла заставить акулу выпрыгнуть из океана, и что ее исподнее было украшено вшитыми в ткань осколками янтаря.

Он нашел ее в тот день, когда не искал, а покупал мармелад из гуавы и высасывал воду из мешка со льдом, как уличный сорванец. Она потянулась за той же самой мармеладной пластиной, что приглянулась ему, а он, увидев ее, так опешил, что выронил ледяной мешок.

Она внимательно оглядела юношу. Торговец мармеладом, почуяв важность момента, скроил такую гримасу, словно его сейчас могло вырвать от переживаний за мальчишку.

Завьер откашлялся. Все, обращаясь к радетелю с просьбой взять их в ученики, говорили одно и то же: это было милостью богов.

– О радетельница, можно мне сесть рядом с вами?

Дез'ре положила пластину темного мармелада, взяла белую луковицу и понюхала торчащие корешки.

– Ммм, – с удовольствием протянула она, словно собиралась поцеловать луковицу.

– О боги, – заметил торговец мармеладом и стал энергично обмахиваться веером.

Завьер и подумать не мог, что у взрослой женщины могут быть такие гладкие руки и такие ласковые глаза, особенно у такой, как эта, которая пугала взрослых мужчин. Дез'ре откусила от луковицы большой кусок и стала его спокойно жевать. Завьер и торговец мармеладом поморщились. И Дез'ре бросила на Завьера такой взгляд, точно он был выброшенным на берег морским мусором.

– У меня есть все, что мне надо, мальчик. Тебя опередили.

Он развернулся, собравшись уйти. Его щеки пылали от смущения, мысленно он ругал себя. Ну что, полегчало? Или ты удивлен? Ему даже в голову не пришло, что у него ничего не выйдет. По крайней мере, пройти проверку. Ведь все это говорили. Он не верил тому, что все говорили. Но по крайней мере попробовать можно было?

Она крикнула вслед:

– А ты спроси меня еще раз.

Сердце бешено заколотилось.

– Что?

– Он еще и глухой, да? – И она подмигнула торговцу мармеладом, всю обмахивавшему веером.

Он не мог. Он и так дал ей все, что у него было. Но она ждала.

– Можно... мне сесть рядом с тобой?

– Ишь ты! Парень, да ты сам не понимаешь, о чем просишь!

«Ишь ты» – так говорили в старину. Этот возглас использовали, когда хотели похвалить, или поиздеваться, или прогнать, или проявить нежность, когда уговаривали малыша поесть или мужчину лечь в постель. Да она над ним насмеялась!

– Можно мне сесть рядом, радетельница?

Она хрумкала луковицей и смеялась ему в лицо.

Он снова развернулся от нее; ему захотелось писать и что-нибудь разбить.

– Значит, ты вот так легко сдаешься? И ты не хочешь похозяйничать у меня на кухне, у тебя для этого кишка тонка?

Она вдруг посерьезнела, даже разозлилась.

– Снова спроси меня, мальчик. И на сей раз подумай о том, какая я молодчина, а ты бегаешь вокруг меня да обнюхиваешь, как щенок, напоминая мне, как быстро бежит время. Спроси еще раз. И будь умницей!

А он не понял. Он молча уставился на темные веснушки на ее шее. В верхней части ее груди виднелись тонкие морщинки, и он подумал, видел ли их еще кто-нибудь, кроме него.

– Я...

– Да?

– Я не понимаю, чего ты хочешь.

Она вздохнула с досадой, махнула на него рукой и выбросила огрызок луковицы в кусты.

– Сядь рядом со мной, мальчик, или не садись. Мне все равно.

– Да?

– Да.

Он, пошатываясь, зашагал прочь. Обернулся на ходу:

– Но вы же сами сказали...

Она пожала плечами:

– Я соврала. Ты первый щенок, который может сам набраться храбрости.

Ходили слухи, будто Дез'ре выбрала себе на островах архипелага шестнадцать аколи-тов-учеников первой степени – куда больше обычного. Пятеро были с Мертвых островов – пятеро! Это было неслыханно – даже неприкаянным предлагалась возможность быть учеником. Люди недовольно роптали.

Но они стали избранными. Ведь решения были продиктованы ей богами.

Аколиты год жили рядом с ведуньями, овладевая основными поварскими навыками, прежде чем начать работать на кухнях в разных местах архипелага. Потом еще четыре года они мыли посуду, скребли полы, обслуживали столики, ухаживали за животными, им доверялось готовить еду – сначала из залежалых, а затем и из свежих продуктов. И никто не сообщал посетителям, что им приносили воду и убирали со стола молоденькие помощники радетельницы, которым она устроила проверку. Да и ресторанные повара, у кого они были на побегушках, едва ли об этом догадывались.

Как утверждали ведуньи, унижение – важная часть обучения.

За все время обучения он встретил не больше семи своих соперников, а работал бок о бок с четырьмя. Из них он подружился только с Энтали, родившейся с тремя ягодицами, с ней его не раз назначали на одни и те же кухни. Он был всем доволен: юный, сильный, смирный. Буду хранить спокойствие, решил он, что бы ни вышло. В ресторане он всегда чувствовал себя на месте, лавируя между столиками, наблюдая за тем, как едоки отправляли в рот первый кусок или первую ложку, улыбаясь, видя, что они счастливы и чувствуют себя как дома.

Он не забыл Дез'ре – да и как он мог, если все вокруг только о ней и шептались, но старался не думать ни о радетельнице, ни о том будущем дне, когда она вклинится в их дуэт и прогонит большеглазую оборвашку, которая все это время трудилась наравне с ним. И однажды днем она пришла: без помпы, без предупреждения. Он оторвал взгляд от сковородки со шкварчавшим чесноком и заметил ее: она стояла, облокотившись о кухонную стойку, и наблюдала, а

у нее за спиной замерли трясшаяся от страха Энтали и шеф-повар Моррис с льстивой улыбкой. Этот Моррис, когда Завьер впервые вошел в ресторан, насмешливо бросил: «Ты? Слишком тощий и тихий, чтобы стать радетелем, мальчик!»

Дез'ре поманила его пальцем.

– Подойди-ка!

Он услышал, как судорожно вздохнула Энтали и мочки ее ушей встревоженно зазвенели.

Дез'ре взглянула на нее.

– И ты тоже. Ты великолепна!

– Я? – пискнула Энтали.

– Мы сейчас совершим обход.

Все трое стремительно вышли, миновав вспотевшего Морриса. Завьер ликовал, его не смущали даже липкие от чеснока пальцы. Когда они вышли наружу, Дез'ре настояла, чтобы он обтер пальцы о ее юбку. Энтали округлила глаза. Завьер попытался было возразить.

– Зачем?

– Затем, что я так сказала, мальчик! – Она словно помолодела. Она даже имени его не знала.

Ему запомнился удивительный знойный день, когда она собрала шестерых, у кого, по ее мнению, был шанс. Трое юношей, три девушки. Завьер и Энтали. Доминик и Персемони. Мартин и Сиси. Ночью он громко произносил эти имена, точно короткую считалку. Кто же из них? Кому было суждено, кто был особенным, кому удастся выделиться и по каким причинам? Они вступили в эту проверку, зная, что любой из их поколения может стать избранным. И теперь избранным мог стать один из шестерых.

Может быть, это он? Но он не считал себя исключительным, как бы им ни восторгалась мать.

Дез'ре заставила их бродить по архипелагу целый день.

– Мы должны быть в гуще людей, – объясняла она. – Должны стать для них песней. Напоминанием о том, что боги их не оставили, что они не спят.

Они заходили в небольшие поселки Баттизьена, церемонно шествовали по улицам – *Радетельница пришла к нам!* – Дез'ре хватала женщин за локти и врывалась в их дома: «**ПОКАЖИТЕ МНЕ ВАШИХ ЖЕНЩИН!**» Она отпихивала в сторону мужчин, которые кичливо выпячивали грудь и прикрывали промежность, а она им: «*Нечего тыкать в меня грудью, парень, ты же знаешь, моя-то лучше будет. ПОКАЖИТЕ МНЕ ВАШИХ ЖЕНЩИН!*» С этими словами она расшвыривала детишек и коз и внезапно останавливалась в дверях какой-нибудь убогой кухни.

– Ну, сестрица, что ты тут готовишь вкусенькое?

Потом она стирала с губ крошки банановой запеканки – что-то вроде маисового пудинга, совала ложку в кипящую кастрюльку, проделывая все это с бесстыдными ужимками и улюлюканьем. Но как же домохозяйки ее обожали! Они обменивались с ней шуточками и поддакивали. А он безмятежно стоял позади толпы, возвышаясь над всеми и наблюдая, как люди возбужденно взмахивали кулаками и радовались визиту радетельницы. Энтали наконец-то отошла от первоначального шока и даже осмелилась весело хлопнуть его по спине. А он попытался улыбнуться в ответ, хотя на душе у него было совсем невесело. И вот таким тебе придется когда-нибудь стать? Как Дез'ре, которая раздавала указания направо и налево, а потом поманила бородатого красавчика Доминика, который не забыл захватить свои ножи, и представила его всем: «Вот смотрите, это мой аколит, у него уверенная рука!» При этом блудливо подмигнула. А Доминик игриво осклабился. И с чего это он так осмелел?

Дез'ре кокетливо прошептала:

– Сестрица, покажи-ка мне, как ты умудряешься так мелко размалывать перец, да как быстро ты это делаешь, а, девочка?

И все это время ее юркие пальцы залезали то в одну кастрюлю, то в другую, и – опля! – в мгновение ока в меню Дез'ре появлялся новый вкус или новое блюдо.

Она была искусной воровкой.

Люди прекрасно знали все эти байки. О радетелях, которые готовили еду не из любви или ради славы, а ради выгоды и из гордыни. Каждый приносил свои грехи к себе на кухню.

Только не он.

Когда много лет спустя его стали называть радетелем, он каждый месяц совершал обход, выбираясь из дома по наущению Найи, чувствуя, будто слово «радетель» выбито на его спине как тавро, как свербящая рана. Но теперь, конечно, он был куда увереннее в себе. Старше. Но он не мог заявлять об этом во всеуслышанье. «Выпендрежник» – так отзывались о нем деревенские жители. Его «Стихотворное дерево» и еду, что там подавали, они считали «выпендрежем», имея в виду, что и в заведении, и в меню все чересчур шикарно и затейливо. Его восхищала их спесивость.

– Вам доводилось есть блюда Завьера Редчуза? Боги все милостивые, да этот парень умеет готовить!

– Хочу попробовать приготовить так же, как ты, брат, можно? – обратился он к мужчине в придорожной хижине, который подал ему пышную маисовую булочку, плававшую в чашке густого горького шоколада. – Можно?

Полез в карман за деньгами. Так было принято.

– Можно! – ответил мужчина. – Попробуй.

Он уже и не помнил, когда в последний раз совершал обход.

5

Анис задержалась у ворот и провела пальцами по деревянной изгороди, отделявшей ее усадьбу от дороги. Лукиа-таун раскинулся перед ней, взмывая на холмах, как ковер под ударами выбивалки.

После того, как старуха-соседка ушла в дом, унеся с собой ароматы свежих лаймов и пьяных бабочек, Анис тщательно выбрила себе голову, как делала каждое утро, и натянула на обе руки тяжелые браслеты. Ее голова сверкала под лучами рассветного солнца.

Ей хотелось задать Тан-Тану этот вопрос, глядя прямо в глаза.

– Соседка спятила, считая меня мулицей, или ты и правда мне изменяешь, Тан-Тан?

Она вцепилась в изгородь, глядя на блестящие голые плечи и руки женщин, по двое или по трое направлявшихся мимо их дома к центру города. Женщины острова Дукуйайе славилась длинными и гибкими руками и ногами. Остров был холмистый, и им с детства приходилось преодолевать большие расстояния, то взбираясь по склону, то сбегая под гору, потому-то ноги у них и вырастали такие длинные. Но жительницы Баттизьена уверяли, что уроженку Дукуйайе можно было определить вовсе не по длине ног и рук, а по особому запаху рыбы и денег. А женщины с Дукуйайе говорили, что баттизьенки вечно несут какую-то чушь.

Это было правдой, но не совсем, если принять во внимание все обстоятельства.

А может быть, сплетня нарушит наконец повисшее между ними молчание? Тан-Тан отвечает: *«Нет, ну как ты могла подумать обо мне такое? А она ему скажет: «Ты же не хочешь со мной говорить, и что же я еще могу подумать?»»* И они заведут разговор о детях. Он будет с ней ласков. Возьмет ее за руку, будет трогать ее тело.

Сегодня все еще может быть хорошо.

Она была не ревнивая. В первые годы их совместной жизни, когда Анис ловила взгляд Тан-Тана, устремленный из-под густых ресниц на симпатичную девчонку, и при этом он как ни в чем не бывало подносил к губам кружку с ромом, она мысленно хвалила его хороший вкус.

– Все нормально, – замечала она миролюбиво. – На людей надо смотреть.

– А ты смотришь?

В ней шевельнулось инстинктивное желание увильнуть. Мать говорила ей, что в браке всегда возникает необходимость в безобидной лжи.

– У меня есть ты, и я смотрю на тебя, – отвечала она.

Анис почесала свою бритую голову и, выйдя за изгородь, слилась с толпой. Теперь к женщинам присоединились мужчины, и все обсуждали события дня. Дети веселились и орали, радуясь окончанию уроков в школе. Изгородь за ее спиной слегка колыбалась, как неспешная река. Люди приветствовали ее, криками выражая любовь и почтение. Она улыбалась в ответ, высоко держа бритую голову. Сегодня она не будет участвовать ни в каких пропагандистских мероприятиях губернатора Интиасара; он же просто пытался склонить бедных граждан проголосовать за себя, и очень жаль, что они этого не понимали. Она сегодня планировала поработать как обычно. Но сообщение старухи-соседки смешало ее планы. Так что теперь она придет на работу, отменит все встречи и отправится к Тан-Тану на игрушечную фабрику. Есть вещи, которые нельзя откладывать на потом, и ей было наплевать, что он рассердится, если она придет к нему на работу и его побеспокоит.

* * *

Ее дар проявился, только когда ей исполнилось шесть лет, настолько яростно отец ограждал ее от общения с незнакомцами. Улыбчивая темноглазая девочка росла общительной и

любопытной, она любила, чтобы ее обнимали, частенько торчала у папиной церкви, радуясь, когда прихожане гладили ее по волосам и трепали по щеке, и все говорили, что у преподобного Лати симпатичная и сообразительная дочурка. «Обожает приставать к людям», – сетовала мать, но даже у нее вызывал улыбку веселый нрав малютки.

А потом у ее дочери проклюнулся дар – и это стало проблемой.

Отец перестал брать Анис с собой на долгие прогулки, не давал тянуть ручки к другим и гнал с глаз долой, когда она бесцеремонно вмешивалась в его беседы с людьми – так он теперь к ней относился: шикал, прогонял, хмурился. Это новое отношение ее поначалу озадачило, а потом стало печалить. Потому как что плохого в том, что она рассказывала людям все, что знала? Она умудрялась видеть плод в животе незамужней девушки, смеялась над мужчинами, страдавшими от чесотки ног и анусов, приставала на улице к незнакомцам с вопросом, могут ли они пробежать две мили за минуту. Заурядные недуги она распознавала с легкостью. Жуткую головную боль у смуглолицего шарманщика, привычно щипавшего ее за щеку, менструальные спазмы у церковной хормейстерши, которая при встрече заключала ее в объятия, а также приступы несварения желудка, солнечные удары, крапивницу, грипп, круп, насморк, повышенный сахар в крови...

Стоило вам только до нее дотронуться, как она уже знала все ваши хвори.

Разумеется, она не знала названий этих расстройств, но ей нравилось доверительное общение с телами других людей, как и понимание собственного тела, внутри которого бурлила серебристая энергия, изливавшаяся из ее пальцев. Ей очень нравился ее дар, так смущавший отца. Он говорил, что она родилась неотесанной грубиянкой, с этими ее беспардонными вопросами, строптивостью и кощунственными суждениями о вере, которые она позволяла себе отпускать. *«Но почему ты веришь в одного бога, папа? Многие не верят»*. Став старше, она взрывалась и топала ногами: *«Ну почему никто не сказал мне о моем божественном хранителе? У всех в школе есть свое божество! Я уверена, что мое божество – женищина, а тебе это не нравится, папа, правда?»* Она насмеялась над его христианскими правилами, отказывалась изучать Библию, вечно спорила и за семейным ужином стучала кулачком по столу, а преподобный Латибодар поднимал брови и руку: *«Ты зашла слишком далеко, Анис. Сиди спокойно, уважь мать»*.

Она поняла, что ей нужен наставник, причем чем скорее, тем лучше. Кто-то достаточно смелый, кто имел близкие контакты с богами. В четырнадцать она наконец набралась храбрости и с бьющимся сердцем вошла под прохладные своды ближайшего храма ведуний судьбы, поднявшись по древним ступеням; и когда услышала песнопения, доносившиеся из-за боковой дверцы, ощутила, что поступает правильно, и остаток пути буквально пробежала, влетев в зал, где пели ведуньи, облаченные в мягкие одеяния, и промчавшись мимо выщербленных статуй богов с именами Ганзи, Бунунухнус и Баксид. Ее остановила на бегу маленькая девчушка, ухватив за талию, и, прежде чем Анис успела задать вопрос, заявила, что ее богиня-хранительница – Джай. Анис сразу понравилось это имя: краткое и четкое, и она вдруг против своей воли залепетала: мол, больше всего на свете ей хочется исцелять людей и быть свободной.

– Джай очень свободна, идем, я покажу тебе ее статую, – сказала Ингрид Дуранде. – Но ты должна научиться дышать.

– Как ты здесь оказалась? – изумилась Анис. – Ты же еще совсем ребенок.

– Мне восемь лет. Но не обращай внимания на возраст. Я состою в Совете вещуний судьбы. А это значит, я в этом храме распоряжаюсь. Вместе с другими. – Ингрид высунула язык. – Хочешь сесть рядом со мной?

Анис расхохоталась. Как будто девушка предлагала парню выйти за него замуж. Так не делают!

– Это же я должна у тебя спрашивать.

Ингрид закатила глаза.

– Ну так спрашивай побыстрее! Тебе же хочется!

Ингрид родилась с числом 29 на теле. На ее ключице виднелся изгиб цифры 2, а нижняя часть цифры 9 появлялась из-под задравшейся туники. Обе цифры были чуть темнее остальной кожи.

– Мама говорит, когда принявшая меня ведунья увидела эти цифры, она начала браниться. С этими словами Ингрид воздела ручки к небу и скроила смешную гримасу: «Проклятье, и что же это значит?»

Но дар малютки Ингрид оказалось не так сложно определить, как опасалась ведунья-повитуха. Малышке просто надо было выучить все цифры.

«Семьдесят пять», – могла сказать двухлетняя Ингрид, сидя у мамы на руках и тыча пальцем в торговку свинины с Мертвых островов.

Торговка улыбалась в ответ и тыкала в ребенка вымазанным свиным жиром пальцем:

– А ты умеешь считать!

– Семьдесят пять, – повторила Ингрид и перевела взгляд на мужа старухи. – Шестьдесят четыре!

– Да, мне шестьдесят четыре, – подтвердил мужчина. – Умненький ребенок.

– Мило! – удивилась торговка свининой. – Не слишком ли рано она познала свой дар?

– И правда рано, – согласилась мать Ингрид. Она потерлась своим носом о носик дочки и притворилась, будто кусает ее за животик. – Ей бы еще немного побыть ребенком.

– Девяносто один, – усмехнулась Ингрид и схватила мать за нос.

Муж торговки свининой той же ночью умер в своем гамаке.

Спустя несколько месяцев после этого случая мать отнесла Ингрид в ближайший храм, чтобы срочно проконсультироваться с тамошними ведуньями судьбы. Люди все умирали и умирали и указывали на ее единственное дитя, но ведь не такого магического дара они ожидали от богов!

После долгого терпеливого наблюдения за ребенком совет ведуний сошелся во мнении, что Ингрид просто-напросто озвучивает неизбежное, а вовсе не является причиной смертей. *«Не давайте ей проводить слишком много времени со стариками, – сказала ведунья, которая пришла сообщить матери вердикт совета. – Скорее всего, их расстраивают числа, которые она им называет».*

– Очень может быть, – сказала мать Ингрид.

– Что-нибудь еще?

Она указала на странное родимое пятно. Обе женщины поглядели на девочку, игравшую в грязи на дворе и пробовавшую ее на вкус.

– Сколько ей сейчас?

– Почти три.

Ведунья еще раз пристально посмотрела на ребенка и сочувственно пожала плечами. Так они обе и стояли, кивая головами, не в силах скрыть слез. Ничего не поделаешь, иногда дар бывает печальным.

– Очень может быть, что ей суждено быть в совете ведуний судьбы, – сказала ведунья. – Те, кто жертвует, прекрасно сидят рядом с нами. Приходите с ней на следующей неделе. Мы ее обучим.

Теперь мать рыдала, не скрывая слез. Ведунья подняла к небу ладони.

– Она пришла, чтобы понять магию, мамочка. И это хорошо.

– Я приду завтра, наставница!

* * *

Анис в жизни не встречала никого, кто бы так часто попадал в беду, как они с Ингрид, когда награждали незнакомых прохожих на улице всякими обзывательствами и тут же улепетывали. Особенно они любили поиздеваться над выпендрежниками, строившими из себя невесть что. Вместе они научились плавать в океане и в речках, что было далеко не одно и то же, и много времени проводили в обществе ведуний – странных, блаженных, ласковых, веселых, забавных женщин, в чьих теплых объятиях им было покойно и чьи волосы были густые и жесткие, как листва деревьев, вовсе не таинственных, как уверяли многие.

Но надо было еще и работать над собой. Надо было развивать свой дар. Ингрид учила ее быть терпеливой. Она снабжала Анис длинными списками симптомов болезней, и они заучивали их вместе, потому что запоминать все эти симптомы было задачей не из легких. Навыки быстрой и точной диагностики совершенствовались. Повышенное давление Анис ощущала как гулкий удар деревенского барабана; при сифилисе мочки ушей покрывались слизью, перед сердечным приступом пальцы ног пахли вареной кукурузой, а старческое косоглазие сопровождалось попискиванием глазных мышц, похожим на писк полевых мышей в траве. Она уделяла куда больше внимания клиентам, которые приходили к ней в храм, и пожилые ведуньи стояли чуть поодаль, но достаточно близко, чтобы при необходимости прийти к ней на помощь и унять острые эмоциональные реакции на плохой или неожиданный диагноз.

Отец негодовал, что она принялась искать себе аколита без его ведома, но теперь ее опекала ведунья судьбы, и никто не мог этому воспротивиться, даже он.

– Ты способна на большее, – говорила Ингрид, цокая языком.

Семь месяцев спустя после того, как Ингрид объявила Анис своим аколитом, ее любимый дядя Кура, отец Бонами, прибыл на семейный праздник с жутким насморком, виновато отогнал родственников рукой, шумно высморкался, и его лицо покрылось испариной и покраснело.

У Анис возникло неодолимое желание крепко обнять дядю немедленно – что она и сделала.

Дядя Кура поздоровался и тоже ее обнял, кашляя и сетуя, что она может от него заразиться, хотя знал, что это обычная простуда. Анис в этом не сомневалась и только крепче его сжимала, ощутив внезапный прилив энергии. Серебристые пузырьки, посверкивая на солнце, заструились по ее коричневой коже и влетали во встревоженного дядю, которому, впрочем, хватило благоразумия стоять, не шевелясь, и довериться магическому дару племянницы.

Пузырьки парили вокруг них. Вся семья издала вздох изумления и молча смотрела на происходящее, даже ее непоседливый кузен Ксалам, который и секунды не мог посидеть спокойно. Пузырьки впитали в себя солнечные лучи и порозовели. И тут на дяде носоглотка прочистилась, кашель унялся, боль в горле сменилась приятным пощипыванием, и жар прошел.

Дядя Кура расхохотался.

– Ну и чудодейственный же у нее дар!

Прежде чем она ответила, преподобный Латибодар изрек:

– Желательно, чтобы дар сопровождался более приличным поведением!

Дядя поцеловал ее в щеку – *«Спасибо тебе, племяшка, и не обращай внимания на папины слова!»* – а она была вне себя от радости: ведь она *исцелила* его простуду! Анис понятия не имела, что способна на *такое*! Это было как откровение свыше: так художник превосходит ожидания публики. По мере взросления она часто о таком слышала: люди жили со своим магическим даром и просто свыкались с ним.

– Ого! А я даже не знала, что так могу.

Она смотрела, как дядя танцевал с женой, ел ромовую запеканку, не сморкался и не кашлял, а только улыбался. И по своему обыкновению дразнил Бонами. А она гордилась собой.

– Ты источаешь пузырьки! – заметила Ингрид и высунула язык. – Какой показушный дар!

И они принялись экспериментировать со способами исцеления людей: самое верное – направлять пузырьки энергии сквозь руки. Обнимать незнакомцев, как заметил отец, было не слишком вежливо, если не сказать неприлично. Но тут все дело было в практике. Безудержные серебристые и розовые пузырьки в мгновение ока наполняли комнату, отчего люди начинали чихать, или пузырьки вылетали из нее слишком быстро, отчего ее одежда становилась мокрая от влаги или из чего они состояли. Кроме того, практически все в конце сеанса магического исцеления весело хихикали, если не испытывали сильных болей, и такое веселое настроение побуждало кое-кого из взрослых делиться с ней личными секретами, которые ребенку в ее возрасте лучше не слышать.

– Фу-ты, – говорила Ингрид. – Взрослые ничем не отличаются от детей.

Сама мысль о применении ею дара вызывала у отца сильнейшие головные боли, которые она безропотно исцеляла.

Несмотря на высокую репутацию, несмотря на заработанные деньги, несмотря на сотни – да-да, теперь их были сотни – клиентов, которые ее обнимали и, испытывая облегчение, рыдали, несмотря на спасенные десятки жизней, отец не гордился дочерью. Ее дар ему казался простонародным суеверием, от которого он сам так и не избавился. Людские тела внушали ему отвращение.

Анис стала брить себе голову; волосы мешали ей работать, кроме того, ей нравилось собственное лицо. Она следила за своим дыханием. Она научилась сидеть молча и наблюдать. Бывали дни, когда ее дар оказывался ей без надобности. Сочувствие сродни магическому дару, и умение слушать было не менее важным навыком.

– Просто расчисти для себя пространство, – посоветовала Ингрид.

– Как ты?

– Угу.

* * *

Анис споткнулась о камень и заскакала на одной ноге, натягивая на ногу слетевшую сандалию. Если бы сплетню о беременной любовнице поведала ей не старуха-соседка, чудесная женщина, которая, наевшись пьяных бабочек, брякнула эти обидные слова, она бы пропустила все мимо ушей как обычную трепотню обывателей Попишо, известных любовью почесать языком. Но этой старушке она была небезразлична.

«Иногда старики видят то, чего ты видеть не желаешь».

Мимо нее спешили люди, узнавая на ходу и приветливо кивая:

– Доброе утро, мисс Анис!

– Доброе утро, матушка Бегиндорт!

Ее пронзила пугающая мысль и застряла где-то в районе солнечного сплетения.

«Они все знают!»

Известия о ее мертворожденных младенцах разносились стремительно. Когда, едва оправившись от схваток, она пошла на рынок, со всех сторон шептали ее имя. Все выражали *сочувствие*. Сочувствующие приходили к ней в дом с горшочками жаркого и добрыми советами. Тан-Тан стоял в дальнем углу комнаты, а между ними толпились люди, мужчины играли в домино на веранде, словно их пригласили на вечеринку. Но как все изменилось! Когда их третий ребенок родился мертвым, соболезнающие перестали к ним приходить, как будто их пара – *она!* – была проклята. Она потеряла клиентов. Не слишком много, но порядочно. Она могла рассчитывать только на Ингрид, на свою мать и на Бонами. Однако даже и они теперь поглядывали с опаской. Нет, не Ингрид, которая знала ее лучше прочих. Но прочие считали ее ходячей трагедией. И вот теперь еще и сладкий десерт для любителей сплетен: у грустной мулицы неверный муж!

И очень может быть, что она последняя, кто об этом узнал. Неужели Тан-Тан и впрямь мог так ее предать? Нет. Это просто не укладывалось в сознании.

Она шла с высоко поднятой головой, покрытой мшистой порослью.

Дойдя до подножия горы, она свернула в квартал одежды и врезалась в шумную толпу продавцов и покупателей. Девушки пришли на последнюю примерку перед конкурсом красоты, который должен был состояться сегодня вечером в Притти-тауне. Мимо нее прошмыгнула группа девчонок в желтых и зеленых карнавальных костюмах и заторопилась в гору: перья, причудливые шляпы с бахромой, еще детские волосы обильно смазаны маслом, косички болтаются. Некоторые размахивали плакатами с оранжевыми надписями. Голубые и белые бабочки порхали над их головами, точно кто-то сыпал с неба стружки. Солнце жарило вовсю, так что Анис пришлось щуриться.

На всех плакатах было написано одно и то же:

АЛЬТЕРНАТИВА ЕСТЬ

Этот оранжевый лозунг восхищал ее многие месяцы. Тан-Тан поначалу не хотел обсуждать Оранжевого художника, автора оранжевых граффити, а вот она считала таинственного активиста самым ярким из местных бунтарей. *«Ишь ты, да это просто озорник»*, – говорил Тан-Тан, но и он в конце концов им заинтересовался и даже попросил ее помолчать, когда городской глашатай ходил по городку и выкрикивал последние новости:

– Оранжевый художник говорит, что цены на бананы скакнут вверх, друзья мои!

Так оно и вышло, как будто у граффити был свой особый дар предсказывать события.

– Как этому сукину сыну удастся так долго прятаться? – говорил Тан-Тан. – И знаешь, он даже женщинам не признался, кто он такой.

Ее обогнала, извинившись, группа улыбающихся девчонок в блестящих одеяниях из тончайшей ткани золотого, пурпурного и голубого цвета. Поглядев им вслед, она увидела, как девочки смешались с толпой, трясая друг перед другом юбками и демонстрируя узоры на набедренных обручах, словно длинноногие цапли. Любая из них могла быть любовницей Тан-Тана, перебежавшей ей дорогу.

«Ты узнала последней!» – прокаркал тонкий голосок в ее голове.

Мимо нее прошмыгнула, держась за руки, парочка лучших подружек, что-то возбужденно обсуждавших, на вид лет девяти-десяти. Анис заметила, как они чиркнули взглядами по ее белой траурной юбке.

– Ты видела, какая красивая невеста?

– Я слыхала, у них брак по любви.

Анис фыркнула. Сонтейн Интиасар было всего лишь девятнадцать лет, еще совсем ребенок. Что она могла знать о семейной жизни? Завтра вечером все будут похихатывать, глядя, как они целуются на ступенях большого храма, и проводят их к брачному ложу, распевая неприличные песни, но кто же им расскажет, что такое семейная жизнь и... какая она длинная.

И все глазом не успеют моргнуть, как молоденькая девушка забеременеет и ее живот вздуется, как спелая слива.

Она невольно ухватила за стену, удивленная, что ее накрыла холодная волна ярости.

– *Не плачь!*

– *Да не плачу я!*

Она рассталась с подругами, порвала с теми немногими, кто у нее был. Стала одной из тех, кого сама недолюбливала: для общения ей вполне хватало мужа. Впрочем, у нее не было ни минуты свободной, многие люди нуждались в ее помощи. И она с удовольствием считала себя доброй.

«Нужной, ты хочешь сказать?»

Может быть, ей стоило повидаться с Бонами. В последний раз, когда они приходили в гости – она уж и забыла, когда это было, – ее кузина была с ней безжалостно откровенна. Сказала, что в ее характере ощущается ожесточение. И словно задала ей хорошенькую взбучку – так Анис восприняла сказанное. С тех пор они больше не разговаривали, хотя Бонами писала ей письма.

Боги, боги, неужели она и впрямь ожесточилась?

– Я слыхала, что этот проклятый бордель начал предлагать бесплатные услуги женатым мужчинам, можешь себе представить? Им надо только снимать обручальные кольца и оставлять при входе!

Анис узнала голос Нелли Агнес Нейл, служившей дьяконом в церкви у ее отца; та беседовала со своей сестрой Шеррон в голубой шляпке, которая – какое позорище! – в свои сорок четыре года не была замужем. Анис подумала, что на фоне голубой шляпки ноги Шеррон все еще выглядят потрясающе, и кому какое дело, замужем она или нет?

– Маршалл все никак не скроется с глаз, все вертится вокруг меня, вот и сегодня вечером придет, – заявила Нелли. – Привет, Анис! Ты слышишь во мне эту вялость, а, целительница?

– Привет! – Ее голос позвучал сдавленно и недобро. Она откашлялась и добавила чуть громче: – Никакой вялости у тебя нет, не приставай ко мне, Нелл!

И ощутила на себе их любопытные взгляды.

* * *

Они с Тан-Таном познакомились на причале Зутупенг в Суане десять лет назад. Анис с друзьями слонялась по пирсу туда-обратно в ожидании, когда за ней приедет отцовский катер и отвезет домой; она ощущала приятное утомление, и последние лучи заходящего солнца грели голову. Кто-то громко рассказывал про театральный фестиваль, кто-то прижимался к ней, впираясь в бок острым локтем. Они смеялись – все, кроме Бонами, которая обиженно насупилась из-за того, что мужчины в толпе дразнили ее: «Ты чего такая худюшая, боги, просто кожа да кости!»

Анис обхватила ее за плечи и напомнила про мальчишек в Притти-тауне, которые из кожи вон лезли, чтобы поглазеть на ее тонкую талию и аккуратные ступни. И Бонами облегченно вздохнула. И тут до слуха Анис донесся новый взрыв хохота, смешавшегося с голосом отца. Смеялся мужчина. Она обернулась посмотреть, кто смеется. Мускулы Тан-Тана рельефно проступали под его одеждой, и вообще он был крепко сбит; повернувшись к ней, приветливо улыбнулся. Преподобный Латибодар поймал ее взгляд и распахнул объятия.

– Погляди, кого я тебе привез! – Его лицо сияло.

– Девочка, если ты его не хочешь, отдай его мне! – шепнула одна из подружек.

– Привет! – улыбнулся Тан-Тан, взял ее за руки и помог запрыгнуть в катер.

Ей понравилась спокойная страсть в его глазах, и, боги мои, он обладал отменным здоровьем, отличаясь этим от многих, до кого ей доводилось дотрагиваться!

К тому моменту, как в ее жизни появился Тан-Тан, мать вроде бы уже махнула на нее рукой, но в глубине души не оставляла надежд, отец упивался собственным великолепием, а она сама стала чувствовать себя обузой для семьи. Родители были уже немолоды, и она была их единственным ребенком. Отец не настаивал, чтобы ее избранник служил в церкви, и она знала, чего это ему стоило. Тан-Тан был многообещающим трезвомыслящим парнем с хорошей профессией и обладал удивительно соблазнительной способностью замедлять бег времени в пределах небольшого пространства: эта способность помогала ему наполнять теплом даже холодные вещи и оказывала потрясающий эффект на их занятия любовью. О, этот мужчина мог хорошо заработать на пчелином укусе и окружить заботой клиента, ребенка, женщину и

любого, кто встречался ему на пути. У вас будет самый гостеприимный дом в мире, говорили ей подружки.

Замечательно, да, но ей всегда казалось, что встреча с будущим мужем останется в ее памяти более несомненной, более основательной.

Конечно, это твой выбор, сказала мать и решительно положила руку на запястье мужа, словно не желая слышать никаких возражений.

А ей хотелось почувствовать радость от своей покорности, проявить любовь к родителям, перестать прекословить хоть в чем-то.

– Хм, – произнесла Ингрид.

Анис долгое время гадала, не ревность ли это говорила, ведь подруга была старше и вскоре должна была выйти замуж, но Ингрид потом говорила «хм» на все, что ни делал Тан-Тан. Он ей не нравился, и больше, чем «хм», она не могла из себя выдавить. Несмотря на ворчание Ингрид, Тан-Тан ужасно смешил Анис, которая хохотала до колик в животе. В компании он был рассудителен и внимателен, хотя и имел склонность к картам и спиртному. В постели ласкал каждый уголок ее тела, его пенис был велик и тверд, и он неизменно доводил ее до оргазма. После занятий любовью она лежала вспотевшая и возбужденная, всегда физически удовлетворенная, а напоследок он крепко ее целовал, будто ставил жирную точку в конце длинного предложения.

Он был скуп на слова, но никогда не забывал пожелать ей доброй ночи или доброго утра таким тоном, что она ощущала себя особенной женщиной в его судьбе.

Даже сейчас.

Ее отец суетился, планируя расстановку свадебных тентов и количество порций тушеной рыбы и фруктово-ромовых запеканок с толстой сахарной глазурью и фасон голубого платья с длинным шлейфом. А ей претила вся эта суматоха. Под тенты слетались москиты, тушеная рыба заветривалась на открытом воздухе, а ромовые запеканки оказывались прогорклыми. Но преподобный Лати и его новоиспеченный зять все тщательно спланировали, притом что мужчины редко уделяли внимание деталям.

Она усердно старалась любить мужа и преуспела в этом. Но ее патетическое, выстраданное «нет» – *Нет, Тан-Тан, я не могу опять на это пойти* – изменило в их жизни все. И она сочла, что отсутствие между ними близости вызвано его печалью и что со временем он ее простит. Ей даже в голову не могло прийти, что он может волочиться за другой юбкой. Этого мужчину выбрал для нее отец, а ее отец был умный.

«Но ты же не думала, что он может быть счастлив, живя в браке с мулицей?»

Она отбросила полу длинной белой юбки и быстрым шагом двинулась по хрустящему песку.

* * *

Некоторое время назад кто-то прикрепил к доске объявлений рядом с ее рабочим помещением постер международного конкурса красоты. Анис задумчиво разглядывала разноцветные буквы и плохонькие фотографии. Это был уже второй конкурс, который она пропустит. Обычно они с Ингрид ходили туда вместе, а пойти одной было немыслимо. Конкурсантки, разодетые по последнему слову моды в наряды, пошитые местными дизайнерами, выглядели великолепно. Все как на подбор были ужасно соблазнительные милашки – просто загляденье! Ингрид как-то рассказала, что на свете есть страны, где женщины не хотят, чтобы ими восхищались. Эта новость их обеих жутко насмешила.

Она перевесила дурацкий постер на стену своего дома, освободив от него доску объявлений на работе. Оказавшись сейчас в узком коридоре, она провела руками по своему алтарю и его содержимому: небольшая бледно-голубая статуя Джай, державшая в руках священный

огонь и ароматическое масло; тяжелая чаша с водой, которую она поспешила сменить, крошечный переливающийся кошелек старой подруги, письмо от родителей, написанное корявым маминым почерком; все еще свежий рододендрон, круглые пирамидки с ароматом медового чая. Она зажгла одну пирамидку, разогнала дым по коридору и сама вдохнула успокаивающий аромат. Здесь был ее первый дом до замужества, ее первый алтарь.

Времени до прихода клиентов оставалось не так много. Ей надо было успеть написать сообщение на доске снаружи, как она и прежде делала. После того, как она поговорит с Тан-Таном, они помиряются и все у них снова будет хорошо, она лично обойдет всех клиентов и извинится.

Она стала искать мел. Но что написать? «Ушла по делу» – слишком кратко и непонятно. «По семейным обстоятельствам». Нет, не годится, а не то обеспокоенные люди прибегут к ней среди ночи. «Сегодня закрыто, извините». Может быть, так. Надо было поторопиться. Ей не хотелось, чтобы кто-то увидел ее расстроенное лицо или начал задавать вопросы. Она не умела врать. Анис нашла мел и принялась писать. Но белая палочка раскрошилась в ее нервных пальцах. Она выругалась, нашла другой кусок, но и он сломался. В горле застряло рыдание. Она его подавила.

«Девочка, только не плачь!»

Она присела на подушку и сделала несколько размеренных вдохов, уперев кончик языка в нёбо. Потом закрыла глаза, приложила ватную руку к груди и ощутила, как грудь поднимается и опускается.

«Успокойся!»

Тихий звук заставил ее поднять глаза.

Это был секрет, спрятанный за настенной лампой.

Она встала, чтобы его разглядеть. На ощупь секрет был похож на засохшее печенье. Сстенительный молодой человек, которому он принадлежал, не мог на него нарадоваться – и на него, и на свои хронические запоры. Но в конце концов он достаточно ей наговорил, чтобы избавиться и от секрета, и от запоров.

Люди редко оставляли здесь свои секреты. И она каждый день искала у себя в волосах случайно застрявшие секреты. Очищала их от пыли и грязи и выносила на задний двор, где подбрасывала, и секреты парили в ночном воздухе. Иногда секреты были старые и увесистые – такие улетали к звездам и разбивали их вдребезги. Упавшие осколки звезд крушили садовую мебель, дырявили крыши и покрывали газон липкими каплями белого сока.

Вычищать секреты было труднее, когда она была уставшая, особенно трудно было находить секреты, которые просачивались в тело. Когда Анис за день слишком утомлялась от работы, то с тревогой замечала, что ее магическая энергия иссякала, и тогда она не могла встать с кровати и даже теряла сознание. Однажды она, мастурбируя, не могла довести себя до оргазма целых три недели, пока Ингрид не выудила из ее легких девять секретов; иногда найти секреты можно было единственным способом: прислушиваясь к их характерному хихиканью. Ингрид клала ее на теплые камни и терла ей кожу до тех пор, покуда слипшиеся в сгустки слизи секреты людей не вылетали из нее, выдавливая угри из ее носа и из спины, тыкала иголкой в ее уши, разминала узлы на ее шее, заставляла потягиваться, пить воду, принимать ванну с ромом и ловить на лету толстых пурпурных бабочек в закатном небе.

– Что это за шум? – как-то спросила в прошлом году Анис, когда на всем протяжении сеанса ее отвлекало странное жужжание.

– Да это моя опухоль, – ответила Ингрид.

– Что? – Анис встала.

Но Ингрид насильно уложила ее обратно.

– Ты помнишь, что мне в этом году исполняется двадцать девять?

Она лежала, оцепенев.

- Но почему я только сейчас услышала?
- Этот шум начался какое-то время назад.
- Но, Ингрид, почему я его раньше не слышала?

Подруга потрепала ее по спине.

- Тебе и не надо слышать, дитя!

Иногда она называла ее «дитя». Как-никак она была ее наставницей-учителем.

Она просто отказывалась верить в родимое пятно Ингрид, покуда та не умерла.

Ей нужно было подготовиться к тому, что могло произойти далее. О боги, это же могло оказаться правдой. Ведь старуха наблюдала, как ее живот набухал, когда там возникали младенцы, она угощала ее жареной саподиллой и дважды чесала ей пятки, потому что сама Анис не могла до них дотянуться. Так с чего бы старухе говорить то, в чем она не уверена?

«То, как он обращается с тобой на людях. “Иди ко мне, жена. Дай-ка я принесу тебе шаль!” “Эй, мужик, ты видел мою жену? Красивая, правда?” Прямо как признание вины. Если ты такая красивая, почему же он не дотрагивается до тебя с тех самых пор...».

«Семейная жизнь – дело сложное!»

«Это так?»

«Да, именно так».

«Он просто ходит на сторону потрахаться. Это совсем несложно. Неужели ты из-за этого от него уйдешь?»

- Перестань! – прикрикнула она себе.

Издалека то тише, то громче доносилось древнее храмовое песнопение.

«Ты сходишь с ума, сидишь тут и кричишь на себя».

«Где этот дурацкий мел, будь он проклят?»

«И еще одно».

«Что еще?»

«Будь я на месте других, я бы не доверила тебе исцелить даже мушку. Родила четырех мертвых младенцев – да ты себя не можешь исцелить!»

Анис соскоблила засохший секрет с настенной лампы, распахнула ногой заднюю дверь и вынесла его на солнечный свет. Проводила секрет взглядом, когда он взмыл с ее ладони и улетел в небо. Храмовое песнопение теперь звучало громче, почти истошно. Отсюда она увидела фабрику игрушек.

Голоса поющих ведуний обычно ее умиротворяли, но не сегодня.

6

Сонтейн Мелоди Игнобл Интиасар слезла с любимого дерева Романзы, пройдя через лес, минут через пятнадцать вышла на каменистый пляж Мертвого острова и призывно помахала двоим мужчинам, сидевшим на корме рыбацкой лодки. За небольшую плату они согласились перевезти ее обратно на Баттизьен.

Сонтейн залезла в лодку, громко выразив неудовольствие своими все еще скользкими от масла руками. Один из мужчин поглядел на нее с недоумением.

– Что-то не так? – огрызнулась она.

– Да нет, – отозвался он, устремив взгляд в безоблачное небо.

Лодка отплыла от берега. Сонтейн задумалась, чем бы сейчас заняться. Домой идти не хотелось. Мамуля будет суетиться и браниться, что она исчезла из дома, никого не предупредив.

А ей хотелось расспросить Романзу, как это он отважился не просто не стесняться, но даже кичиться любовной связью с Пайларом, как будто в этом не было ничего такого. И жить в лесной чаще, словно он не человек, а мангуст. И знать, что многие его презирают. Но в ее глазах он был одним из самых отважных людей, известных ей, и просто старался быть самим собой. Вот бы он мог поделиться с ней своей отвагой!

Никто не знал, сколько раз мужчины пытались ее изнасиловать. Даже Данду не знал, хотя она кое-что рассказала ему об этих происшествиях. И дело было не в том, что она сама чувствовала, просто она была уверена, что эти происшествия объясняли, почему она с таким страхом думала о первой брачной ночи. И когда настал удачный момент, чтобы спросить совета у Зазы, она не смогла осмелиться. Ей следовало все ему объяснить, но она не хотела огорчать брата.

Зато она видела и светлую сторону этих мрачных историй: ни одному из тех мужчин не удалось добиться цели.

Все началось, когда ей было десять лет. Она шла утром в школу – мимо домов, где в саду копошились садовники, а взрослые мужчины торопились на работу, – и все они обнажали пенисы и нарочно помахивали ими, так чтобы она видела. Один из папиных приятелей под столом гладил ее коленки. А после первого в жизни поцелуя – ей было двенадцать – поцеловавший ее мальчик пригрозил сильно прижать ее к полу, если она не согласится на большее. Сонтейн ударила его кулаком в лицо. А он дал сдачи – довольно ощутимо. Какие-то проходившие мимо женщины услышали крики и отогнали мальчишку палками и проклятьями. Одна из них научила ее лягаться по-ослиному, и это был полезный совет. Но потом женщины перестали на нее смотреть, и это ее испугало.

– Тебе надо давать отпор этим дуракам, – посоветовала на прощанье та, кто научила ее лягаться.

Значит, посягали не только на нее.

После того случая она больше ни с кем не целовалась.

В четырнадцать она попыталась поведать свою тайну тогдашней лучшей подруге, думая, что и у той те же проблемы, но девочка презрительно сморщила нос, словно учуяла исходящую от нее вонь, и заявила, что у Сонтейн вряд ли много знакомых мужчин, которым она нравится, так что нечего ей выпендриваться. Теперь у нее были подруги получше, это точно, но от стыда она так и не смогла избавиться, потому что, возможно, в тех ситуациях как-то не так себя вела. Всем богам было ведомо, что у нее масса поводов для беспокойства: дочка губернатора не обладала никаким магическим даром.

Ведуны уверяли, что ее переживания, все, что она про себя знала, – всего лишь плод воображения. По их словам, людям вообще свойственно желать дара, коего они лишены. Но, возражала Сонтейн, разве на Попишо есть люди, лишённые магического дара?

И ведуны соглашались, что это, конечно, очень странно, но у них на сей счет не было никаких предположений. Но она не обращала на их слова внимания: мало ли что говорили ведуны, они ошибались! У нее же были крылья. Она ощущала эти крылья в структуре костей своих рук и плеч, в изгибе своего таза. Просто надо еще подождать, чтобы они раскрылись.

Сидя в лодке, Сонтейн беспокойно шевельнулась. Ей захотелось стереть остатки миндального масла с ладоней; масло противно воняло. Мамуля выбрала его: миндальное масло, настоящее на иланг-иланге и имбире. Для ритуального массажа с участием трех женщин, которые должны были связать ее прошлое с ее будущим. Традиционно такой массаж для невесты проводили мать, домашняя ведунья и бабушка. Бабулю она ни разу в жизни не видела, та умерла задолго до рождения Романзы и Сонтейн. Вместо нее в массаже участвовала молоденькая служанка, которую ведунья обучала в течение двух недель. Она считала служанку странной заменой бабушки, ведь она жила в их семье не так уж долго. Тем не менее она уважала решение матери.

Она сегодня встала очень рано, увидела свет лампы в отцовском кабинете и тихонько прокралась на кухню попить.

Мать и служанка, слившись клином, темнели у кухонной стены. Стонущая, пыхтящая служанка между бедер матери.

Сонтейн отшатнулась; сказать, что она была смущена, – ничего не сказать. Она ужаснулась при виде их подрагивающих телодвижений, при виде этого слишком интимного действия – точно два зверя, прижавшихся друг к другу.

Она убежала к себе в комнату и долго сидела на полу, покуда у нее не занемели икры и ступни. Ей захотелось пойти к отцу, но она знала, что он потребует рассказать о причине ее печали и постарается все исправить. Она не могла обратиться с этим к Данду. Невесте запрещалось видаться с женихом в течение двух недель перед свадьбой. Подруги – это было невыносимо! У кого язык повернется такое рассказывать про собственную мать?

* * *

Позже, когда начался ритуальный массаж, она смогла выдержать его первую часть: женские руки были как ветви деревьев, они словно заботливо что-то нашептывали, ладони ведуны мягко гладили ее по плечам, и по всему телу растекалось тяжелое тепло. Но когда она раскрыла глаза, то увидела улыбку склонившейся над ней матери. Нет, этого она уже не могла стерпеть, правда. Она вся подобралась и отползла прочь, переполненная отчаянием; их руки задрожали и потянулись за ней, а она зажала уши ладонями. «Оставьте меня!» – взмолилась она и убежала. К своему брату-близнецу, к его дереву.

* * *

Когда в прошлом году она, восемнадцатилетняя, встретила Данду на пустой автобусной остановке, она все еще была вполне приземленной и испытывала стойкое раздражение ко всем этим божествам. Зачем, ну зачем мужчины населяют нашу землю и где мои проклятые крылья? Тем не менее ей понравилось, как шевелится кожа у Данду на шее, когда он вытягивался поглядеть, не показался ли из-за поворота тарахтящий автобус. У него была тонкая нежная шея. Она сказала ему:

– Приветик.

– Приветик, Сонтейн Интиасар, – ответил Данду.

И пояснил, что знает, кто она, и что он уже однажды с ней целовался в колючей траве во дворе у своего отца Лео, когда ей было восемь и его мать еще была жива, а после ее смерти его отправили жить к бабушке.

– У дяди Лео! – удивилась Сонтейн. – Я этого не помню.

– А я помню, – сказал Данду.

Ей было приятно думать, что тот ужасный мальчишка, который ее ударил, не был первым, кто ее поцеловал, и, приглядевшись, она все же вспомнила сына Лео Брентенинтонна. Тихий мальчуган с большой головой, любивший читать, и теперь она с трудом могла поверить, что это тот самый мальчик. Высокий, смуглый, с серыми глазами. Умиротворенный.

Время шло, и она была рада их знакомству. Он не произносил пустых слащавых слов и не пытался ею овладеть. Если он что-то обещал, то держал обещания или пытался их держать, а если не мог, то объяснял почему – прямо как взрослый. В тот день, когда она попросила его закрыть глаза и поцеловала во второй раз в жизни, он был спокоен, и после этого не произошло ничего пугающего. На следующий день он пригласил ее погулять, и они шли, держась за руки, а потом снова целовались, а он оставался невозмутимым. Он согласился подождать, пока *она* сочтет себя готовой заняться любовью, даже если это случится в их первую брачную ночь. Или даже позже.

И все же, даже несмотря на то что Сонтейн ему доверяла и уже мысленно называла «мужем», она нервничала. Даже после всех его нежных прикосновений к своей груди, к которым она уже привыкла.

Сонтейн распрямила спину.

– Я с ним сегодня увижусь!

– С кем? – спросил мужчина, помогший ей сесть в лодку.

– Неважно, – ответила она. – Вы можете сменить курс и поплыть на Дукуйайе?

* * *

В то утро у Данду не было сил вылезти из гамака, хотя солнце уже встало. Ему стоило подумать о куче вещей: сколько верных друзей собирается к нему на свадьбу (четыре), сколько бутылок его любимой водки они принесут (тридцать), сколько лекций о семейной жизни прочитал ему отец (пока что две – и обе совершенно бесполезные) и сколько раз отец говорил, как бы ему хотелось, чтобы мать Данду дожила до сегодняшнего дня (всего три раза, и он сам бы этого хотел). Он подсчитал, сколько подготовительных обрядов придется выдержать Сонтейн (до завтрашнего вечера шесть, в том числе проверку ее легких) и, для сравнения, сколько еще часов ему оставалось провести одному (несчетное количество часов!). Предполагалось, что он должен провести сегодняшний день в размышлениях, что на самом деле обычно сводилось к протрезвлению от выпитого накануне. Большинство других женихов на его месте мучилось бы от сушняка после беспробудного двухнедельного пьянства и разгула, но он оставался трезвым. Трое близких друзей отвели его вчера в галерею местного художника в Плюи, где с удовольствием осмотрели его картины и полакомились тушенными в чесноке куриными ножками, а потом вымокли до нитки под ливнем. Не слишком близкие друзья заходили к нему в гости, глотали пьяных бабочек, гуляли с ним по садам и приносили свадебные подарки – и все это делалось ради того, чтобы поцеловать в зад его папашу. Он же в основном проводил время в спокойных, если не сказать смиренных, раздумьях.

Или в сильном волнении. В зависимости от того, как посмотреть.

Дочь дяди Бертрана превратилась в упитанную девушку с крепкими бедрами, которая улыбалась ему так, будто его понимала, и никогда не причесывалась. Она смахивала ему пот со лба краешком платья, типичным для деревенской девушки жестом любви, отчего он бук-

вально терял дар речи. Отчего он приходил в оцепенение. Он слышал у нее под кожей шелест крыльев, напоминавший шорох строительных лесов под порывами сильного ветра, и ему одинаково нравилось говорить с ней и слушать ее голос. Он понял, что она – добрейшее существо на свете.

Он почесал живот и застонал. Отчего он бурчит – от куриных ножек или от страха, – кто его знает.

Когда она сказала, что хочет повременить с занятиями любовью, он не возражал. Ему было вполне достаточно изучать ее коричневые, как выжаренное масло, груди, такие тугие и сочные, такие отзывчивые. Ее крупные соски морщили темные ареолы, ему нравилась испарина, выступающая в ложбинке меж ее грудей, и иногда, когда она закрывала глаза, он ловко выдирает зубами одинокий волосок, упрямо выставивший на ее правой груди. Узнай она, это бы ее смутило.

Но то груди. А что делать с остальными частями ее тела, он не знал.

Вообще-то ему хотелось сообщить Сонтейн, что он девственник. Он говорил ей все, что приходило в голову. Но чем больше она рассуждала о возвратно-поступательных телодвижениях, о разгоряченном интересе мужчин к ней, о мужском запахе, обдававшем ее в тот миг, когда она этого меньше всего ожидала, тем сильнее он ощущал свою ответственность за спокойствие ее души. Им обоим, детям публичных фигур, нравилось сохранять приватность существования. Их объединяла значимость их статуса. Было ясно, что она считала его многоопытным парнем и, хуже того, полагалась на это. И, несомненно, она надеялась, что когда наконец настанет нужный момент, он возьмет дело в свои руки.

Он видел, как этим занимаются свиньи, кошки, козы, бабочки, ящерицы, даже облака в небе. И что могло пойти не так, если заняться этим с любимой девушкой? Его друзья хвастались своими сексуальными похождениями, расписывая их в самых интимных и живописных подробностях, и он старался им подражать, ощущая себя полным дураком. Он понимал, что они все преувеличивают, но, по крайней мере, они хоть что-то знали. И он тоже должен был знать хоть что-то, имея дело с такой нервной девчонкой. Невестой. Женой. Ради всех богов!

Его пучило. У него случился жутчайший запор.

– Эй, малыш! – произнесла Сонтейн.

Он открыл глаза и увидел, что она сидит у окна, и ее рот напоминает влажное дупло, а на ее лице играет улыбка, какой он раньше никогда не видел.

* * *

На окраине Лукии земляной голубь – на архипелаге водилась эта коричневая птичка с надутой серой грудкой, которая выводила очень грустные и очень мелодичные пронзительные трели, – закончил выводить свою утреннюю песнь, сел на ветку и взорвался вихрем розово-серых перьев. Будь вы там в это мгновение, вы бы подумали, что от птицы ничего не осталось, но отряды черных муравьев, спешивших по песчаному пляжу, остановились и тысячу чутких усиков исследовали тысячи крошечных розовых обрывков, осыпавшихся вниз после взрыва, сладких, как кокосовые кексикки.

7

Завьер и Айо стояли в тени дерева-бесстыдницы и глядели, как вереницы людей спешат взад-вперед через ворота городского рынка.

Айо был задумчив.

– Ты готов?

Завьер молча смотрел на открытую торговую галерею. Глупо было начинать обход отсюда, с рынка. Раньше он заходил сюда каждое утро, интуитивно считая оправданным приходить в знакомые места и прибегать к привычным действиям, но он уже позабыл, как тут многолюдно и какая царит суета – даже в такую рань.

Он дотронулся до лежавшей в кармане кожаной сумочки с мотыльком, пытаясь унять нервную сдавленность в груди. Когда-то он носил такие сумочки на шее, и на глазах у людей ел лежавших там насекомых, не думая, что о нем подумают другие. Такие сумочки до сих пор висели на потолочных балках его спальни или были разбросаны в гостиной. Теперь он их почти не замечал. Все дело было в том, как считать: если он мог заставить себя не трогать сумочку один день, три дня, десять недель, два года, пять лет – значит, он делал что-то стоящее.

Но вот уже десять лет как он не дотрагивался до мотылька. Не чувствовал его кончиками пальцев.

А теперь коснулся кожаной сумочки и испытал новое ощущение: он знал, что внутри.

Сумочка запульсировала.

Он должен был чувствовать себя лучше ради Найи, стоя у входа на этот самый рынок, где они впервые встретились. Он провел по мотыльку кончиками пальцев. Что он собирался делать с этим проклятым насекомым? Если бы Найя его сейчас увидела или Айо застал за этим занятием – о, он бы умер от стыда!

Он выдернул руку из кармана.

– Зав.

Айо тронул его за плечо. Земля затряслась у него под ногами, руки тоже – нет, он не был готов войти на рынок. А что, если он упадет в обморок, согнется пополам или упадет ничком? День уже вступил в свои права, и проходившие мимо люди замечали его, перешептывались, показывали на него пальцем, обмениваясь восторженными взглядами и тыкая друг друга в бок.

– Зав, может, тебе не стоит идти?

У Чсе был такой же высокий лоб, как у отца, та же привычка слегка поворачиваться боком, когда она нервничала. Правда, Айо явно не нервничал. Он усмехался. Завьер хорошо знал этот взгляд. В детстве этот взгляд всякий раз возникал в момент опасности или во время их приключений – например, когда он упал с дерева и сломал оба запястья или когда они бродили по заброшенным водостокам и заблудились. Можно было безбоязненно пойти куда угодно, если ты видел, как улыбается Айо и говорит с тобой своим тихим и спокойным, как журчание ручья, голосом.

– Да пошел куда подальше губернатор со своим обходом, – сказал Айо. – Можно все купить на рынке для обрядовой трапезы, и пусть люди тебя видят. Это самое главное. А потом пойдем домой. Что скажешь?

Он мог рассказать Айо, что Интиасар угрожал его дочери, а потом сбежать: залечь в свой гамак. Спрятаться в «Стихотворном древе» и сказать всем: «Отстаньте, отстаньте от меня!» И пусть его старший брат все сделает за него. Но от Айо можно было ожидать только одного: он побежит в баттизьенское высокогорье, перелезет через забор имения Интиасара – и потом его обвинят в убийстве.

– Я уже закрыл ресторан на два дня, – сказал он.

– Так открой его снова!

– Посетителей не будет.

– Пригласи кого-нибудь, Зав. Или ты боишься, они откажутся?

О, опять это беспокойное выражение на благодушном лице.

– Ты так вышел из себя, что чуть не дал по морде этому красноносому, когда тот пришел.

А теперь ты что же, покорно пойдешь в обход?

Ему захотелось понюхать кончики пальцев, которые он вынул из мешочка, но это была дурацкая привычка мерзких едоков мотыльков, и сделай он так, все боги на свете подняли бы его на смех.

– Я передумал, дружище.

– Да я просто так сказал. Может, надо было тебе помочь. Я же тебя дразнил. Я...

– Я это сделаю, Айо! – Твердым, не терпящим возражений голосом.

Айо удивленно поднял брови.

– Ну, разумеется. – Он нагнул голову и раскинул руки в стороны. – О, радетель!

Завьер закатил глаза и поправил полупустую сумку на плече, ощутив, как внутри болтается записная книжка. Со стороны пляжа Карнейдж порывами дул бриз. Они слышали, как оркестр настраивается для исполнения очередной песни. Солисты подзадоривали друг друга, напевая вполголоса, а барабанщик позади них выбивал дробь – *ту-дум-ту-дум*.

Очень громко.

Айо им разочарован. И тут уж ничего не поделаешь. Опасность, исходящую от человека, способного угрожать ребенку, нельзя недооценивать.

Появилась стайка женщин с сумками и сковородками, прошла мимо. Завьер проследил за ними взглядом: высокие женщины с кудрями и косичками, выкрашенными во все цвета радуги, в бусах и браслетах, с точеными фигурками, похожие на изваяния. Одна водрузила на макушку старую птичью клетку, внутри которой довольно квохтала домашняя перепелка. Все были разной комплекции: кто-то расширялся от талии вниз наподобие бутылей, а кто-то, наоборот, расширялся кверху, и их объемистые груди колыхались над тонкими длинными ногами, как кроны баобабов.

Машинально он поманил Айо и шагнул в стайку женщин, словно замороженный их веселым гомоном и тянущимся следом парфюмерным шлейфом.

Сначала показалось, что его овеяло волной зноя и он захвачен мощным течением, словно попал в водоворот. Женщины мельтешили вокруг, указывая на него пальцами, наперебой тараторя и обволакивая его взглядами, как сиропом. Со всех сторон его окружали коричневые выпяченные животы, испещренные золотистыми растяжками; другие же тела были худые и напоминали хрустящие поджаренные тосты. Он ощутил порыв нежности.

Так вместе с ними он и вошел на рынок.

Они двигались вместе: он – в толпе женщин, мимо торговцев, раскладывавших свой товар, учивших уму-разуму своих помощников и отсчитывавших сдачу покупателям, а женщины стреляли по сторонам темными, как изюм, глазами и привлекали его внимание к выложенной снеди.

– Смотри, радетель!

Они показывали на бананы, длинные, как мужские ноги, на маленькие зеленые дыньки, похожие на жуков. И все вокруг ему улыбались. Он купался в улыбках.

Учащенное от волнения дыхание выровнялось. Завьер зашагал быстрее, в кармане сумочка с мотыльком мягко прижималась к бедру. И он подумал, что постепенно отдаляется от Айо, который уже перестал останавливаться при виде знакомых и приветливо с ними заговаривать и просто молча шел мимо пирамид свежего шпината и куч цветов плюмерии с сахарной каемкой; мальчишка разделявал ножом клубок блестящей красной требухи, вынутой из какого-то неведомого животного, какого, даже Завьер не смог определить. Кое-кого он сразу узнавал по характерным повадкам умелых торговцев: расхваливая свой товар, они тряслись

всем телом, стучали кулаком по столу, выкрикивали цены и предлагали всем попробовать «все, что на них смотрит». Он чувствовал себя как танцор, после долгого перерыва вновь обнявший бывшую партнершу: они были как старые друзья, которых объединяли почти забытые приятные воспоминания. Все продавцы были трудяги: фермеры, пекари, мясники. Он много лет потратил на то, чтобы установить с ними доверительные отношения, прежде чем в первый раз взять у них самые свежие продукты.

Завьер тихо ахнул: расстояние между торговыми рядами расширилось, плотная стайка женщин рассыпалась влево и вправо – и он оказался в пустом пространстве и почувствовал себя ребенком, так внезапно выскользнувшим из крепких объятий матери, что от неожиданности его зашатало. Как будто выбросило прибоем на берег. Силуэты женских тел мелькнули перед его глазами и исчезли, как угасшие угольки.

Заголосили радиоприемники, но они не смогли перекрыть оркестр, наигрывавший бодрую мелодию.

Он остановился и стал внимательно осматривать выложенную на прилавках еду.

Пусть люди на него пялятся, пусть убедятся, какой у него решительный вид.

Кто-то, конечно, припомнит, как долго он всех игнорировал. Кто-то скажет: ты был нам нужен, но сюда не приходил!

Он проводил пальцем по рулонам зеленой бумаги, в которую заворачивали орехи, попробовал кусочек огромного майсового пудинга из теста, щедро сдобренного кешью, сливками и корицей. Торговцы с надеждой улыбались ему и удрученно обмякали, когда он молча проходил мимо их крутобоких анон³ и сушеного мяса ящериц. Он остановился у одного прилавка и похвалил спелый имбирь, перец, чеснок, разнообразные смеси специй, даже терку для овощей, после чего быстро ушел, качая головой, к печальному удивлению торговца приправами. Справа от него беззубый чужак громко заулюлюкал элегантной женщине, которая пристально разглядывала желтые цилиндры сливочного масла, похожие на термитник.

– Ты, похоже, очень умная, – сказал старик женщине, разглядывавшей масло. – Напиши мне любовную записку, а?

Айо растворился в рыночной толпе; Завьер больше его не видел. Ну что, понравился им его брат, который так взбодрил торговлю? Он нахмурился, раздраженный этим всплеском жалости к себе.

Мешочек с мотыльком трепыхался в кармане. Он почесал щетину на подбородке. Кому-то следовало позвонить на радиостанцию и сообщить, что радетель – избранник богов, одетый в какие-то лохмотья, сегодня утром отправился в обход; он что, не мог надеть чего-то поприличнее? Эта новость обидит Интиасара, всегда щеголеватого, всегда опрятного и ухоженного. С его стороны это был маленький бунт, но оно того стоило. «*Мы щедро платим*, – вот что сказал Салмони после того, как призвал его вернуться к себе в ресторан. – *Но не настолько щедро, раз ты можешь расстроить Берти!*» По крайней мере, старик обладал чувством юмора. При следующей встрече с Интиасаром он, пожалуй, тоже будет называть того Берти.

– Да, радетель! – раздался за его спиной голос.

Он не обернулся; молодые частенько обращались к нему, очень часто – просто на спор. А он не знал, как себя вести, как реагировать на их выпендрож. Но сейчас это было что-то совсем другое. Несколько голосов подхватили крик:

– Радетель! Да, Завьер!

Хихиканье. Аплодисменты. Он кивнул. На душе стало тепло.

– Ты пришел, радетель! Боги, как же мы рады тебя видеть!

Он приветственно помахал рукой. Пальцы сжались в кулак.

³ Анона – плод, произрастающий в субтропиках и тропиках (Карибский бассейн, Таиланд и т. п.).

Толпа разразилась восторженными криками. Ему сразу же показалось, что все стали приветливо кивать, улыбаться и в знак уважения поднимать стаканы с выпивкой, или фрукт, или мачете. Его ноздри уловили аромат горячего травяного вина и тонкий апельсиновый запах. У него словно гора упала с плеч, более того, его переполняло торжество. Ну, где же Айо, который мог бы разделить с ним это чувство?

Торговцы уже без стеснения громко его зазывали:

– Эй, радетель, подойди к нам!

– Боги милосердные, ну не пихайтесь же вы так! Дайте ему пройти!

Ему стало совсем весело, его опьянило объявившее его облегчение. Шнурок кожаного мешочка выскочил из кармана и свесился до колена, щекоча кожу. Наверное, в кармане дырка – или мотылек его прожег насквозь? Голова шла кругом. Он испытывал огромную благодарность людям. Какая-то женщина пустилась с ним кокетничать:

– Привет, радетель! Погляди на меня! Ты сегодня такой красавчик, как и всегда!

Слегка запыхавшись, он остановился у знакомой палатки. Ему очень нравился мясник, хозяин этой палатки, невысокий желтокожий человек, учивший своих коз медитировать и бездельничавший четыре месяца в году. Завьер смотрел, как он поднял на лебедке живую козу, связав ей четыре острых копытца, и та повисла у него над головой. Это было чистенькое животное – в белых и черных подпалинах, с раздутым животом. Молча, закрыв глаза, она смиренно покачивалась на тросе.

Мясник коснулся его руки.

– Все хорошо, радетель.

Это был не вопрос, поэтому он ничего не сказал.

– Останься, благослови забой!

Завьер кивнул. Он смотрел на морду и сияющие копытца чистенькой козы. Он мог бы начать праздничную трапезу прямо здесь. Купить эту козу, отнести домой, украсить ее тушу веточками специй, погрузив их глубоко до костей и оставить медленно томиться над кострищем всю ночь, а утром проснуться от дымного аромата, который будет струиться в воздухе до самого океана. Но тут требовались любовь и большой труд. А Интиасар и ему подобные не заслуживали жизни этого животного!

Вокруг начали собираться люди. Мясник приманил своих помощников, словно дирижер, рассаживающий по местам музыкантов. Они столпились вокруг: один – с синим керамическим ведром, другой – с веером сверкающих ножей.

Смуглая женщина быстро прошагала мимо, пробормотав «простите»; ее зелено-желтая шелковая юбка развевалась при ходьбе, и голая шелковистая рука случайно чиркнула по плечу Завьера. Его поразила упругость ее мягкой, но в то же время крепкой, почти звериной, кожи и ее широкая, но гибкая талия. Женщина замерла на ходу, бросив взгляд на висевшую козу; перед собой она держала сетчатую сумку, полную голубых крабов, и медленно, точно веером, обмахивалась полой длинной юбки. Он почти отвык смотреть на женщин и на их юбки: одни завязывали их узлом на талии, чтобы ходить по воде в час прилива, другие обматывали вокруг пальцев; по морщинкам на ткани он мог рассказать, чем та или иная женщина была занята весь день.

Завьер насчитал на плече женщины три небольшие папилломы. А она была целиком поглощена подвешенной на тросе козой.

Его рука осторожно ощупала карман, ладонь вспотела, в пальцах запульсировала кровь.

Женщина взглянула на него. Кончик ее розового языка быстро облизал губы. Он опустил ладонь в карман и сжал пальцами красный мешочек с мотыльком.

Самая романтическая трапеза в мире будет приготовлена самым романтичным кулинаром в мире, так? Но чем он может накормить эту женщину с потрясающей кожей, в юбке, туго

обнимавшей бедра при ходьбе? Она была такая сочная, что ее соки, казалось, струились по подбородку и шее. И, отведав приготовленные им блюда, она бы задумалась, на что еще были способны его руки и язык. Он вообразил, как она содрогается, лежа под ним; как меж ее грудей выступает испарина, а из полуоткрытого рта вырываются тихие страстные стоны. И он слушал бы, как меняется тембр ее стонов, раздающихся все громче и громче...

Завьер выпустил из пальцев красный мешочек и, вздрогнув, открыл глаза. Уже много лет его тело не ощущало подобного воспарения, столь жаркого желания. Эту самонадеянность ему внушил мотылек: мол, ты заставил весь мир броситься к твоим ногам, ты мог бы стать кем угодно. Его ногти словно превратились в обжигающие круги.

Женщина в зеленом платье отстранилась от него на несколько шагов, словно почувствовала произошедшую в его теле перемену и это ей не понравилось. На мгновение он смутился. Прошу вас, боги, только бы она не обладала даром читать мысли незнакомцев!

В толпе раздались призывы к тишине:

– Тише! Тише! Коза умирает!

Мясник встал у головы козы, что-то шепча ей на ухо, вероятно, прося прощения за то, что ей предстояло умереть. Коза задумчиво слушала, словно оба участвовали в важном совещании.

Мясник взглянул на Завьера, как бы испрашивая его дозволения.

Тот кивнул.

Женщина в зеленом платье закусила губу.

Мясник одним ловким движением вспорол козе горло, отклонившись в сторону. Тугая струя крови брызнула в голубой воздух и, описав дугу, точно попала в стоявшее наготове керамическое ведро. Козий живот содрогнулся. Всякий раз, когда Завьер наблюдал, как этот человек убивает животное, его поражало обилие вытекавшей крови и филигранная точность движений мясника.

– О-о-о-о! – вздохнула толпа.

Мясник чуть опустил мертвое животное и, деловито взрезав шкуру ножом, стал вынимать печень, почки, сердце, потом мозг; вертясь из стороны в сторону, он потел, обступившие его помощники быстро обмывали козью тушу соленой водой, а мясник попеременно орудовал то острыми лязгающими ножами, то острыми короткими, не длиннее перочинного, ножиками, отделяя определенные части туши: красное мясо разных оттенков, голубые кишки, желтый жир, потом хрящи и светлые кости, черные глаза. Один глаз упал на землю и закатился под шаткий разделочный стол, вывалившись в песок. Шкуру, снятую целиком с козьей туши, мясник отбросил в сторону, и ее тут же подхватил юный помощник: ничего не должно пропасть! Завьер наблюдал, как помощник попятился со своей ношей, – тот невольно напомнил ему краба. Обернувшись, он посмотрел на стоявшую рядом женщину с шелковистой кожей и широкой талией: проведя пальцем от талии вниз до бедра, она на секунду распахнула полу юбки, и под тканью мелькнула кожа. Удивленный, он заметил сияние ее мягкой ониксовой плоти, а потом и набедренный обруч, когда она специально чуть нагнулась, чтобы улучшить ему обзор. Усыпанная драгоценными камушками эластичная лента напомнила ему росистую траву.

Пола юбки вернулась на положенное место. Она не собиралась показывать ему свой набедренный обруч дважды – это было вызывающе. Все, что ей требовалось сейчас сделать, забыв о смраде пролитой козьей крови, лишь ему улыбнуться, явно благословляя на дальнейшие действия. Ее податливость была словно продолжением радушных приветствий рыночной толпы и веселья женщин, увлекших его на этот рынок, а главное, она казалась искуплением красивой смерти козы.

Только улыбка – после демонстрации набедренного обруча. Он не станет ее преследовать – ему сегодня было чем заняться и о чем думать, но он дожидался окончательного приглашения.

Ее мягкие темные губы приоткрылись.

– Идешь, радетель?

У нее был нежный голос – как он и надеялся.

Он откашлялся.

– Да, сестра.

– Мы очень рады.

Она положила ладонь ему на руку. Мягкие пальцы.

– Радетель, я хочу кое-что узнать.

У него сбилось дыхание.

– Слушаю, сестра.

Она улыбнулась:

– Это правда, что ты вынудил свою жену убить себя?

Его захлестнула волна гнева. Он судорожно огляделся вокруг, точно земля была готова разверзнуться и поглотить их обоих, ища глазами кого-то, кто мог бы подтвердить, что он ослышался. Но заметил только удивленные взгляды обступивших его людей. Он медленно повернулся на пятках, изучая выражение лиц. Те, кто стоял ближе всех, могли услышать ее слова и теперь, похоже, ждали его ответа. Наверное, все они долго думали, кто из них задаст ему этот вопрос. И решили подослать к нему эту соблазнительную женщину. Кто выкажет не моральное осуждение, которого он, возможно, заслуживал, и не требование услышать правду, которого опасался, а просто обычное любопытство.

И ведь никто ему ни разу не говорил, что об этом судачили люди – почему Найя пошла к океану и утонула.

Женская рука подергала его за рукав.

– Радетель, так ты мне скажешь?

Он отмахнулся от нее, сам удивившись силе, с какой отшвырнул ее руку. Она запнулась.

– Заткнись и никогда больше не говори о моей жене, поняла меня?

Она поджалась и уже больше не казалась ему нежной, скорее, испуганной. Рассекая толпу зевая, он шагнул к желтолицему мяснику. Если они хотели именно этого, то пусть получают. Громкий выплеск гнева, отчасти показной, немного в духе Дез'ре? Пусть подавятся! Мясник поднял глаза от разделочного стола и застыл от неожиданности над горой красной требухи.

Завьер заговорил – стараясь, чтобы его голос звучал как можно громче:

– Продай мне эту козу, брат. Я уплачу тебе за нее всю кучу денег, что дал мне губернатор Интиасар.

Толпа взорвалась восторгом. Все трубы оркестра издали торжествующий визг. Мясник бухнулся на колени: слава его любимой козе! Слава свадебной трапезе! Люди пели и пританцовывали в такт оркестру. На-на-на-на! Слава-слава-слава!

Празднество уже началось.

* * *

Ему было пятнадцать. Шел сильный дождь, он решил срезать путь через пустой рынок, и деревянные прилавки торчали, как обглоданные кости ростбифа, с которых капала вода. Между прилавками стояли две девчонки в сине-белой школьной форме, они крикнули ему: «Эй, мальчик!» Дождевые струйки бежали по его лицу.

Ему больше понравилась ее подружка: обалденная грудь и широкая улыбка. Он дважды был у нее в гостях, да без толку. После этого он и думать забыл о Найе, но спустя несколько месяцев она сама к нему подошла. «Помнишь меня?» – спросила она. У нее были черные-пре-черные волосы с отливом и ровные белые зубы.

И он стал видаться с ней практически каждый знойный день на протяжении нескольких недель, незаметно проскальзывая в их дом, когда родители уходили на работу, и наконец осмелился первый раз до нее дотронуться. Его сразили ее светящиеся глаза и ее страсть. Ее вагина напоминала цветочный бутон. И еще у нее были аккуратные, идеальной формы брови.

Найю это не обидело. Она дрыгала ногами в воздухе и призналась, что ей та-а-ак приятно!

Они не лишили друг друга девственности. Они еще слишком юны, подумал он тогда. Не по мнению других мальчишек, а по его мнению. А он привык все делать по-своему.

В то лето ему нравилось вести себя как другие мальчишки: он увязывался за Айю и его приятелями, если они ему позволяли. Пинать коробки в дорожной грязи – два камушка за точный удар, ставить заплатки на выдавшее виды дедушкино каноэ. Выуживать омаров из кастрюль, направлять их торчащие клешни на девчонок и следить, кто из них не испугается. При виде Найи он всегда удивлялся. И что ему делать с этой загадкой – девчонкой, которая разрешала ему смотреть на свое нагое тело? Тут было наверняка какое-то особое правило. Он чувствовал, когда она смотрела на него, наострив уши и чего-то ожидая. А он не знал, как поступить правильно, поэтому в отчаянии ее игнорировал.

А потом наступали еще более жаркие дни.

Лена Делзиль была девушкой иного склада. Высокая, с жесткими, точно щетина, волосами, похожая на длинную мышку. С ребрами, торчащими под одеждой. Лена не любила бороться понарошку или болтать о серьезном. Ей нравилось держаться за руки и целоваться, плотно сжав губы. Она перевязывала волосы широкой лентой. Он ходил к ней в гости, и там его угощали тушеными почками со свиными хвостами, и он терпеливо отвечал на вопросы ее отца о своем отце. Девчонки-школьницы пели им песни. Все это было совсем не похоже на юркие руки Найи, трогавшие его все более настойчиво и умело.

«*Не по годам зрелая*», – говорили старухи про Найю. А ведь она еще даже не носила набедренный обруч.

Все рухнуло в тот день, когда Найя застигла его на городском рынке, где он угощал Лену лимонным пирогом между невинными поцелуями под насмешки торговцев. Боковым зрением он заметил, что кто-то за ним наблюдает, и когда отвлекся от Лены, мельком увидел озадаченную Найю. Боги не спустились с небес, чтобы язвительно освистать его и забить в барабаны, но Найя с окаменевшим лицом развернулась на каблуках и ушла.

* * *

Он встретил ее в следующий раз, когда уже считал себя мужчиной. Девятнадцать лет. Важная персона. Ученик Дез'ре. Уставший после шестнадцатичасовой смены. Уже не девственник, но ставший мужчиной не с Леной, а с симпатичной водительницей автобуса, у которой кровь пылала огнем, и она опалила его не раз и не два. Люди сразу узнавали его, когда он шел через город. Незнакомые, глядя на него, бились об заклад, что именно он-то и станет новым радетелем.

Так что он был вполне уверен в себе, чтобы подойти к Найе, когда увидел, как она ловко спрыгнула с заднего сиденья автобуса на остановке между Плежер-гроу и пляжем Карнейдж. Он надеялся, что она уже простила его детские шалости.

– Привет, Найя!

Она внимательно поглядела на него.

Другое лицо. Невинность пропала. Они смотрели друг на друга и издавали невнятные звуки, и где-то внутри у обоих шевельнулось желание, отвлекая их и заглушая слова, которые они хотели произнести. Они ведь когда-то встречались тайком, по темным углам, и сейчас, стоя в открытую, лицом к лицу, на ярком солнце, смущались и казались себе незнакомцами: он – высоченный, она – низкорослая. Когда же они наконец вошли в пустой дом одного из его при-

ятелей, она уже была целиком поглощена романтическими фантазиями, а он боялся ее напугать. Он налил ей дрянного красного вина в найденную на кухне чашку. Ни слова не говоря, она выпила, хотя терпеть не могла алкоголь, и присела на край кровати, поскольку больше сесть было некуда. В душном доме пахло псиной. Оба вспотели от жары, и внутри ее едва слышно билось желание, и собачья шерсть, покрывавшая все поверхности в доме, прилипла к ее голым рукам и к его лицу; и когда он опустил ее на кровать и поцеловал, ему почудилось, что голова сейчас лопнет. Он целовал все ее тело, не зная, что еще с ней делать, пытаясь вернуть давно угасшие нежность и доверительность, но осколки ее сердца торчали у нее из груди и впивались в его кожу.

Он знал, что она родилась с пятью сердцами: одно билось в груди, еще по одному – в запястьях, одно малюсенькое – за левым ухом, и самое крошечное таилось в третьем пальце на ноге. Но, ощутив ее крепкие объятия и исходящий из нее поток энергии, он изумился и задохнулся.

* * *

Когда пришел Айо, Завьер обследовал висевшую на тресе козью тушу, с помощью мясника поворачивая ее то в одну сторону, то в другую, все еще пытаясь успокоиться после стычки с тихой шелковистой женщиной. На спине у брата болталась дюжина курочек, истекавших кровью, на боку висела яркая пузатая бутыль.

– Хочешь, чтобы я отвез козу к Му? – Айо одной рукой снял тушу с крюка и сунул под мышку. Увидев злобное нахмуренное лицо Завьера, замер. – Чем ты недоволен?

– Не важно.

– Тебя кто-то обидел, Зав?

– Я же говорю: не важно.

Они молча уставились друг на друга. Айо крепче зажал под мышкой козу.

Мясник поморщился:

– Я бы мог послать двух парней, чтобы они ее вам доставили, это не проблема.

Айо хохотнул:

– Да я сам в состоянии донести до ресторана Интиасарову козу.

– Замолчи, Айо!

Тот насупился.

– Да нет, правда, что с тобой такое?

– Одна девчонка тут сказала, что он повинен в смерти жены, – брякнул мясник.

Завьер бросил на него свирепый взгляд. Ну почему люди не могут держать язык за зубами?

– Ты бы только посмотрел на эту мерзкую стерву! – продолжал мясник. – От одного ее вида в кровать тянет!

– Какая еще девчонка? Где?

– В платье цвета зеленого лайма! – заметил наблюдательный мясник.

– Забудь об этом, Айо!

Айо громко всосал воздух через зубы, швырнул козью тушу на окровавленный стол, пропустив мимо ушей приглушенное проклятие желтолицего торговца, и нырнул в палатку мясника, строгим жестом приглашая Завьера за собой.

Завьер со вздохом повиновался. Айо весь этот год был терпелив и добр к нему.

Стоя за брезентовой стенкой в окружении ведер с красной жижой и требухой, Айо внимательно осмотрел его ноги.

– Что? – вполголоса спросил Завьер.

Связка мертвых курочек на спине у Айо затряслась.

– У меня есть женщина, – сообщил старший брат.

– Я рад за тебя! – с удивлением произнес Завьер.

Это и впрямь стало хорошим известием. У Айо был неудачный брак.

Глаза Айо нервно забегали, но потом он уставился прямо на Завьера.

– Да. Эта женщина... – Он чуть улыбнулся. – Я уже староват, чтобы сходить с ума из-за женщин. Сам знаешь. Но эта... – Он помотал головой, выражая этим движением одновременно смущение и удовольствие.

Завьер усмехнулся и хлопнул брата по спине. Весь его гнев улетучился. Они затрясли головами, их лица просияли. Курочки за спиной у Айо тоже затряслись. Давно у него не было так хорошо на душе. Айо всем своим видом показывал, что уверен в своих чувствах.

– И когда ты приведешь ее в дом?

– Не сейчас.

– Пропустим по стаканчику после того, как уляжется вся эта свадебная кутерьма.

Айо схватил его за плечо – больно! Завьер попытался было вырваться, но стальные пальцы брата крепко впились ему в кожу. Айо медленно заговорил, словно изучал каждое произнесенное слово:

– Я знаю эту женщину вот уже несколько месяцев и все думаю: почему я не привожу ее в семью? Сначала я думаю о тебе, потом о Чсе. Но о себе никогда. – Он кивнул своим мыслям и сильнее сжал его плечо. Завьер поморщился. Но Айо, похоже, этого не заметил. – Моя женщина озабочена. Она, знаешь ли, сильная. Но она думает, что, может быть, я не готов к ней, хотя я с ней не согласен. Потому мне и приходится спрашивать у себя самого: что же делать?

Казалось, их разговор слышат все на рынке. Вокруг них сгустился запах мертвых животных.

– От тебя несет, Зав.

Завьер недоуменно нахмурился, обиженный.

– Я... дурно пахну?

– Нет, нет, не в этом смысле. Я хочу сказать, что от тебя разит печалью, Зав. Я не могу подпустить к тебе людей. Что с тобой такое?

От клокотавшего в его душе гнева белый брезент палатки заходил ходуном у них над головой. Завьер смутился: неужели он дал повод неправильно истолковать его состояние, и кому – Айо!

– Ну а чего ты от меня ждал? В этот день ровно год назад *умерла* Найя! – Он повысил голос. – А тут еще эта женщина заговорила про самоубийство. Люди считают, что я виноват? Это же был несчастный случай, Айо!

– Да, Зав. И мы скорбим вместе с тобой. Это очень-очень печально. – Айо разжал пальцы. Он снова подобрел. Может, он всегда был добрым, даже в минуты гнева, даже по-женски проявляя нежность. – Но ты сегодня печален точно так же, как и год назад.

Хотя как он мог быть по-настоящему добрым и при этом говорить такие глупости?

– Но почему ты *так безутешно* скорбишь по женщине, которую никогда не любил?

Завьер открыл рот и сразу закрыл. Он почувствовал себя полным дураком из-за того, что выдал себя.

– В тот день, когда Найя ушла, мы все знали, куда она отправилась. Но ты целых *два* дня ничего не замечал, Завьер. Ты торчал у себя на кухне. Ты ведь это понимаешь, правда?

– Я был *занят*.

– Но ведь все, кроме тебя, знали, что у нее есть мужчина. Ладно, никакой мужчина не признается себе в том, что его жена шалит на стороне, даже если он ее не любит, но она вернулась и сама тебе все *рассказала*. И чем же ты ей после этого обязан?

Он пытался выбрать из роя сумбурных мыслей в голове точные слова. Что он не знал, как все подружки его возненавидели или как ее отец умолял не выходить за него. Она рассказала ему об этом много лет спустя, не просто рассказала, а выкрикнула в лицо...

Айю качал головой.

– И пусть ее призрак является ее мужчине! Зачем тебе такая забота? Ты все еще не успокоился. Ведь так?

Завьер ощутил аромат мотылька в кармане, словно им пропиталось все тело и этот едкий запах перекрывал смрад крови в ведрах. У него слегка болела голова, волна боли началась в левой глазнице. Он присел на табуретку рядом с горкой коровьих и козьих зубных желез.

– Отнеси козу Му, прошу тебя, Айю.

– Ты должен объяснять это мне, брат. Хоть кому-то.

– Я тебя *очень прошу*.

Он отвернулся, услышал, как вздохнул Айю и вышел из палатки. Тронул записную книжку в сумке.

Он всю жизнь приносил ей одни печали.

* * *

Найя пропадала в течение двух недель. Ни взятки полицейским, ни циркулировавшие по острову слухи не давали ни намека на то, куда она делась. Он только дивился: как она ушла, так ни слуху ни духу – а она ведь была женой радетеля. Может быть, сбежала тайком на одном из торговых кораблей. Иногда местные так делали, но он не мог поверить, что она на это решилась.

И в один прекрасный день она вернулась, когда он, стоя в саду, думал о ней. Он смотрел на лягушек в пруду и на серых птиц в небе.

Услышав голос за спиной, он резко качнулся назад.

– Завьер!

Ни у одной живой души не было такого поэтичного голоса.

– Да!

– Это Найя!

– Да. – У него разболелась голова.

– Это же я.

– Знаю.

Молчание. Потом ее голос:

– Ты послал за мной полицию.

– Все хорошо?

Ему хотелось еще что-нибудь сказать, но он не смог.

– Нет.

Он привалился к истекавшему древесным соком стволу и стал глядеть на детишек, что играли на песке внизу под скалой. Он боялся обернуться. У него возникла нелепая мысль, что, если он обернется, она исчезнет. И в повисшей тишине он подумал, что именно так и случится.

– Я не вернусь, Зав.

– Знаю.

И вдруг ему почудилось, что он и впрямь это знал.

Она заплакала.

– Ты даже не посмотришь на меня?

– Что ты хочешь, чтобы я сказал?

Его голос звучал холодно, и Завьеру не понравилось даже его звучание.

– Что-нибудь! – В ее голосе слышалось разочарование, но он не знал, о чем она говорит или что ей нужно, отчего почувствовал себя дураком и ему стало очень грустно. – Что-нибудь! Завьер! Я ухожу от тебя!

Он ждал. Потом раздался крик: «Найя!» Голос прозвучал не громче, чем вздох после смешка, но он отчетливо услышал ее имя и понял, что это значит. Он услышал ее шепот: *ухожу, ухожу, ухожу!* – точно порыв ветра, свистящего сквозь пустую ракушку.

– И к кому ты уходишь, Найя?

– Ни к кому, – ответила она. А потом ее словно подхватил порыв свистящего сквозь ракушку ветра. – К тому, кто любит меня, кто заботится обо мне, для кого я в жизни на первом месте. Ты же знаешь, каково мне было все эти годы, ведь я понимала, что ты меня не выбрал?

– Но... – Он уже ничего не понимал. Она была явно не в себе. – Я же выбрал тебя!

Она обхватила его сзади обеими руками. Прижалась к нему жарким телом. Он поразился, насколько это тело показалось ему незнакомым.

– Умоляю тебя, Зав. Скажи мне правду, когда я спрошу. Даже если эта правда тебя обожжет. Умоляю тебя.

Он чувствовал, как она прижалась носом и губами к его позвоночнику.

– Да, да, – ответил он, ощущая сковавший его ужас и ощущая, как неумолимо надвигается нечто, что даст ответы на все вопросы. – Да!

– Я не знаю, что ты называешь любовью. Но что бы ты ни понимал под этим словом, Завьер, все эти годы... Ты когда-нибудь любил меня?

– Найя!

– Ты знаешь, что я имею в виду, Завьер!

Она рыдала. Он знал.

– Нет, – произнес он.

Он женился на ней, потому что ей этого хотелось больше всего на свете. А любил он Анис Латибодар.

8

«Скоро вернусь» – вот что в конце концов написала Анис мелом на доске объявлений рядом со своим рабочим помещением. Эта короткая фраза часто употреблялась, причем с разным смыслом, и могла означать что угодно. Она надеялась, что никто не рассердится и не сотрет надпись.

Она стояла, уперев руки в боки, и глядела на фабрику, где работал Тан-Тан. Закрыто, плотно, как двустворчатая ракушка.

Она еще ни разу не видела, чтобы фабрика игрушек на Дукуйайе – эта торчащая над землей зеленая бегемотоподобная туша – была закрыта или не работала. Ей ужасно захотелось изо всех сил заорать: *«Придержите соба-а-а-а-а-ку!»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.